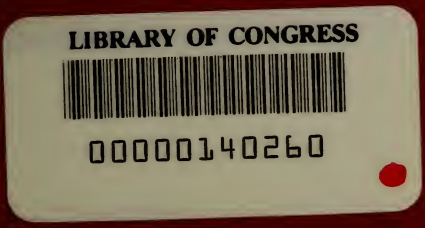
PG 3361
.S36T77
1802



U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

Shalikov, K. P.

ЦВѢТЫ ГРАЦІЙ.

Chacun choisit ses Auteurs comme on choisit ses plaisirs et ses sociétés.

Laharpe.

609
3291

съ дозволенія Московской Цензуры.

МОСКВА, 1802.
въ Университетской Типографіи, у Люби, Гарія и Попова.

PG 3361
.S36 T77
1802

88-116763
cp86, 03/02/88

МИЛЫМЪ, ИСКРЕННИМЪ
ДРУЗЬЯМЪ МОЕМЪ.

Почти всѣ піесы, составляющія книжку сію (которая служитъ продолженіемъ трехъ частей, подъ именемъ: *Плодъ свободныхъ чувствованій*), были писаны для круга, или, лучше сказать, въ кругу одного дружескаго общества.

К. П. Шаликовъ.

I.

ВЕЧЕРЪ

у К* И* М* Д***

За часъ изящныхъ наслажденій,
Живыхъ, сердечныхъ восхищеній
Кто жизни равнодушной годъ
Съ охотой не отдастъ? . . . не
знаю . . .
Я скорби тяжкихъ всѣхъ заботъ
Средь васъ, таланты! забываю,
И жизнь лишь чувствую тогда.
Я чувствовалъ его, когда,
О К*! съ твоей бесѣдой милой
Смѣшались Граціи — *Орфей* (*),

А

(*) Г. П***.

И нѣжною своею силой
Владѣли надъ душей моей! —
*Камин*ъ (*), Элегïя (**) тверди-
лись
Въ умѣ моемъ, смотря на тѣхъ,
Которы *ими* учинились
Любезны для меня — для всѣхъ!
Ко взорамъ, къ мыслямъ обольщеннымъ
Плѣненный съединялся слухъ
Согласьемъ тоновъ несравненнымъ,
И . . . на Олимпѣ былъ мой духъ!
„Ступай въ блестящïя собранья,
Гдѣ тысячи *Армидъ* глазамъ
Сплетаютъ сѣть очарованья —
Ты будешь наслаждаться тамъ
Ренальда щастливой судьбою!“
Когдабъ въ тотъ часъ мнѣ кто
сказалъ;

(*) Сочиненïе Кн. И. М. Д.
(**) Сочиненïе Кн. Е. М. Д — ой.

Ахъ! я ему бы отвѣчалъ:
„Коль сердца съ хладной пу-
стотою
Мы ищемъ щастія, утѣхъ,
Тогда пусть соберутъ намъ всѣхъ
Прелестъ — всё будетъ не довольно;
Взоръ внизъ опустится невольно,
И вздохъ сердечный скажетъ намъ:
Гдѣ сердце праздно — скучно
тамъ! —
Но гдѣ мечты *душей* играютъ;
Гдѣ Музы, Граціи вливаютъ
Восторгъ живѣйшій въ грудь рѣ-
кой:
Тамъ человѣкъ паритъ душой
Къ небеснымъ райскимъ наслаж-
деньямъ,
Къ безсмертнымъ Ангельскимъ
веселъямъ,
Изъ чаши Олимпійской пьетъ
Забвенье горестей, суетъ!“

О вечеръ! . . . я его конечно
КЪ пріятнѣйшимъ часамъ моимъ
Причту — и не забуду вѣчно,
Сколь духъ мой наслаждался
имъ (*)!

(*) За нимъ слѣдовали другіе съ тою же пріятностію, съ тою же интересностію.

II.

ВДОХНОВЕНІЕ.

Къ К. Е. С. Д — ой.

Источникъ славныхъ дѣлъ, безсмертныхъ,
Печать премудрости Творца!
Душа и жизнь *искусствъ* чудесныхъ,
Огонь, объемлющій сердца —
О Вдохновенье! что сравнится
Съ твоей всесильною рукой?...
Коснешся — и очамъ явится
Мгновенно міръ совсѣмъ иной;
Восторгъ небесный въ кровь пролется,
Душа и разумъ понесется

КЪ зазвѣзднымъ — къ Феинымъ
странамъ. . . .
И — талисманъ нашедши тамъ,
Гомеръ творитъ съ нимъ Иліаду;
Херасковъ пишетъ Россіаду;
Петраркъ любовь свою поетъ;
Корреджій холстъ одушевляетъ;
Праксителъ въ мраморъ жизнь
вливаетъ,
И — очаровываютъ свѣтъ! — —

О чудотворно Вдохновенье!
Я чувствую руки твоей
Волшебное прикосновенье
Въ груди и въ головѣ моей;
Я чувствую . . . ты мнѣ сказала
Съ улыбкой милою: *пиши*!
И этѣмъ словомъ пролiяла
Живѣйшiй огнь до дна души.
Въ минуту чувства, мысль ро-
дились,
Лучемъ эфирнымъ озарились;

Восторгъ волнуетъ кровь мою:
Хватаю лиру — и пою. — —

Наслѣдникъ новый твой предметомъ
Есть чувствъ восторженныхъ моихъ: — —
Да въ лѣтахъ онъ явитъ предъ свѣтомъ
Отъ предковъ произшелъ какихъ;
Да будетъ *Якову* (*) подобенъ
Рафаель (**) доблестью своей;
За истину возстать удобенъ
Противу самыхъ и Царей;
Уменъ, чувствителенъ, любезенъ,
Отцу подобно своему;
Пріятенъ въ обществѣ, полезенъ —
Не страшенъ силой никому;

(*) Кн. Яковъ Федоровичь Долгорукій — безсмертный Герой патріотизма.
(**) Имя новорожденнаго.

Какъ мать его — душею нѣженъ,
Незлобенъ, кротокъ, справедливъ;
Къ добру всѣмъ сердцемъ ввѣкъ приверженъ,
Съ друзьями искрененъ, — нельстивъ;
Да девять Сестръ своимъ питомцемъ
Его согласно изберутъ,
И ихъ да будетъ онъ любимцемъ;
Да въ немъ *отца* его найдутъ!
Да родъ имъ свой распространится
Со славой свойственной ему;
Да въ свѣтѣ Рафаель явится
Другой по дару своему! . . .

III.

ПѢСНЯ.

Полно сердце заблуждаться,
Полно бабочкою быть;
На цвѣточки ввѣкъ бросаться,
И — терновникъ находить!

*

Ахъ! Лизета мнѣ твердила
Всякой часъ: *люблю тебя!*
И, казалось, находила
Въ томъ все щастье для себя.

*

Лизой жилъ я — и прельщался
Жизнью сладкою моей;
Лизой только занимался, —
Всю вселенну видѣлъ въ ней.

*

Но — увы! она писала
На пескѣ слова свои . . .
Вѣтръ повѣялъ — и умчала
Буря всѣ мечты мои!

*

Хлоя знаки мнѣ явила
Самой пламенной любви;
И угасшїй воспалила
Снова жаръ въ моей крови.

*

Снова сердце отворилось
Къ сердцу радостей живыхъ;
Снова щастьемъ обольстилось —
Биться только лишь для нихъ.

*

Ахъ! я слезы лью невольно! . . .
Ихъ велитъ мнѣ горесть лить.
Хлоя — женщина! довольно . . .
Я клянуся . . . не любить!

*

Полно сердце заблуждаться,
Полно бабочкою быть;
На цвѣточки ввѣкъ бросаться,
И — терновникъ находить!

IV.

БЛАГОДАРНОСТЬ
С. Н. Р — ой,

Сочинившей музыку на сію лѣсню.

Въ нѣжнѣйшей склонности сер-
дечной
Жестоку горесть испытавъ,
Я съ щастїемъ проспился вѣчно;
И жизнь безъ сладостныхъ забавъ
Мечтать — что есть любовь на
свѣтѣ
Для щастья райскаго людей,
Рѣшишься въ тихомъ кабинетѣ
Провесть лишь съ Музою моей. —
„Играйте, Хлои и Лизеты,
Судьбой другихъ!“ — вздохнувъ
сказалъ:

, Вы были мной любимы, — пѣты,
Лишь вами жизнь я ощущалъ.
Нёсъ въ даръ вамъ душу откро-
венну,
Нёсъ сердце пламенное вамъ;
Для васъ хотѣлъ забыть вселенну
И все, что обольщаетъ тамъ;
Но вы подъ *розами* скрывали
Колючи терны для меня;
Любовь взаимную казали,
Любили . . . только лишь себя! . . .
Любили власть свою безмѣрну
Надъ сердцемъ видѣть вы моимъ,
И за надежду легковѣрну
Тирански поступили съ нимъ! —
Несчастливъ тотъ, кто воображаетъ,
Что счастливъ женщиною онъ:
Ахъ! рано ль, поздно ль — испытаетъ
Онъ жребій мой! .. Таковъ законъ

Судьбы, Небесъ, или Природы;
Не знаю — знаю только то,
Что щастья мирныя свободы
Не промѣняю ни на что.“

Сказалъ — и къ сердцу обратился,
Съ нимъ сдѣлать твердый уговоръ:
Чтобъ тотчасъ въ землю опустился
При встрѣчѣ съ женщиной мой взоръ. . . .

. . . . . .

Но ты, Софїя! защитила
Свой полъ — и чувства вдругъ мои
Въ его ты пользу обратила. . . .
Таланты милые твои
Побѣду въ *сердцѣ* одержали,
И сильно чувствовать ему

Ихъ дѣйствіемъ волшебнымъ дали —

Что должно предпочесть всему
На свѣтѣ женщину любезну;
Что только съ женщиной такой
Мы можемъ райскую, небесну
Пить сладость всякой часъ рѣкой;
Что *Хлои*, *Лизы* и *Плѣниры*,
Плѣняя лишь игрою глазъ,
Достойны только, чтобъ *зефиры*
Въ неволѣ были ихъ заразъ;
Что красота удѣлъ убогой,
Коль нѣтъ съ ней болѣ ничего...
Ахъ! Кронъ неумолимый, строгой
Лишитъ богатства вдругъ всего! ...

Но прелести ума, талантовъ
Цвѣтутъ безсмертною весной! —
Безъ сихъ душевныхъ *діамантовъ*
Ничто блескъ внѣшности одной!..

Они въ твоей душѣ сіяютъ,
Какъ солнце — и въ сердца струей
Огонь небесный проливаютъ! . . .
Сердца . . . дань прелести *твоей*. — —
Но что тебѣ за снисхожденье,
Софія! въ дань могу принесть?
Чѣмъ докажу благодаренье
За сдѣланну любой мнѣ честь? . .
Ты пѣсенку мою унылу
Поешь — и тоны сдѣлавъ ей,
Дала ей цѣну, — прелесть, силу;
И несмотря на то, что въ ней
Хвалы для женщинъ не сплетаю,
Ты хвалишь искренно ея; —
Ты хвалишь . . . ахъ! но я не знаю,
Какъ — какъ мнѣ выхвалить тебя!!!

V.

ВЪ ДЕНЬ ИМЯНИНЪ К. Д — го.

„ Чѣмъ кто богатъ, тѣмъ тотъ и радъ “

Пословица у насъ простая.
Стихами я подъ часъ богатъ; —
Я ими горе услаждая,
Пою — и сердцу моему
Утѣхи *даромъ* доставляю;
Щастливѣй *Креза* я бываю,
И — не завидую ему . . .
И такъ *стихи* — сей даръ сердечной —
Тебѣ въ твой праздникъ приношу:
Прими его, мой Князь — прошу —
Съ желанїемъ: „да жизнь безпечно

Въ весельѣ, въ щастьѣ проведешь
Съ любезными тебѣ на свѣтѣ, —
Да въ каждомъ чувствѣ твоихъ
предметѣ
Пріятность сердцу обрѣтешь!
Да Музы, Граціи цвѣтами
Устелятъ жизненный твой путь,
И сладость райску льютъ стихами
Онѣ въ твою — шы въ нашу
грудь!“

VI.

ВЛАСТЬ ГАРМОНІИ.

On aime à redire ce que l'on aime à sentir.

Сердце трепещетъ
Въ томности сладкой;
Пламень лѣется
Въ душу рѣкой;

*

Чувство за чувствомъ
Душу и сердце
Сильно волнуя,
Къ щастію влекутъ —

*

Къ щастію безсмертныхъ,
Къ радостямъ новымъ —

здѣсь неизвѣстнымъ, —
Къ жизни прямой.

*

Мысли стремятся
Быстрымъ полетомъ
Смѣло за тѣсный
Разума кругъ:

*

Видятъ возможность
вѣчнаго щастья,
Участь блаженну
Сердца — души. . .

*

Горести, скорби,
Скука, печали —
Вдругъ всё забыто . . .
Щастье — въ душѣ.

*

Что же виною
Райскихъ восторговъ,
Сладости сердца,
Щастья души? . . .

*

О всемогуща
Музыки сила!
Ты преселяешь
Въ небо меня.

*

Ты мнѣ познанье
Благъ безконечныхъ,
Тамъ намъ готовыхъ —
Ты подаешь! —

*

Ты мнѣ, Софїя!
Въ душу и сердце,
Чувства сладчайши,
Ты мнѣ лїешь!

VII.

ТРІОЛЕТЪ.

Кто съ милой разлучился,
Тому противенъ свѣтъ!
Тотъ радостей лишился,
Кто съ милой разлучился.
Что въ жизни — коль сокрылся
Отъ глазъ души предметъ? . . .
Кто съ милой разлучился,
Тому противенъ свѣтъ!

VIII.

РАЗЛУКА.

Un tendre ami vaut mieux qu'une couronne.

Мой другъ! съ тобой въ разлукѣ
Нѣтъ щастья для меня :
Въ несносной грусти, въ скукѣ —
Томлюсь, страдаю я!

*

Однимъ воспоминаньемъ
Питаю жизнь мою,
Слезами и стенаньемъ
Отраду въ душу лью.

*

Однимъ воспоминаньемъ —
Что нѣкогда для насъ
Сладчайшимъ ожиданьемъ
Былъ каждый въ жизни часъ!

*

И каждый часъ утѣхи
Намъ новы приносилъ
Забавы, игры, смѣхи,
Намъ рокъ изъ урны лилъ!

*

Но — рокъ теперь жестокой
Велитъ намъ розно жить,
И горести глубокой
Всечасно жертвой быть!

*

Луна, товарищь вѣрной
Тоскующихъ друзей!
Къ тебѣ иду въ безмѣрной
Тоскѣ души моей!

*

Ты горести со мною
Дѣли — какъ нѣжный другъ! . .
Спокойствіе собою,
Пролей въ мой скорбный духъ! —

*

Ахъ! какъ твой видъ унылый
Любезенъ для того,
Кто дни влачитъ постылы
Безъ друга своего!!

IX.

НА ВОЗВРАЩЕНІЕ ИЗЪ ДЕРЕВНИ

С Н*. Р — ой.*

Законъ временъ творитъ прекрасный видъ худымъ;
Наружный блескъ въ очахъ проходитъ такъ, какъ дымъ;
Но красоту души ничто не измѣняетъ;
Она единая всегда и ввѣкъ плѣняетъ.

Душенька.

„ Что въ *Паѳосѣ* всё такъ уныло?
Всё пасмурно, — душѣ не мило?
А прежде Паѳосъ раемъ былъ;
Въ немъ прежде всякой находилъ

Душѣ и сердцу наслажденье;
И всякой острову сему
Предъ цѣлымъ мїромъ предпо-
чтенье
Давалъ по чувству своему?“ —
Киприда въ Книдѣ — и веселья
И Граціи, Амуры — тамъ;
Тамъ нынѣ щастья, наслаж-
денья
И всѣхъ забавъ любезный храмъ!

Ты также всюду за собою
Ведешь волшебною рукою
Забавы Граціи — и вокругъ
Веселья сладость разливаешь;
Угрюму скуку прогоняешь,
И каждаго щастливишь духъ! —
Тебя цвѣтами осыпали
Всечасно Геніи полей;
Свои дары всѣ истощали
Къ утѣхѣ, къ радости твоей: —

Они тобой одушевились
Подъ сельской тѣнью — на лу-
гахъ,
И въ знакъ признанія потщились
Твой каждый, въ ихъ жилищѣ,
шагъ
Сопроводить забавой новой : —
Тамъ въ рощицѣ темнозелёной
Олтарь рукой ихъ соруженъ —
Софіи милой посвященъ ;
И тысячу забавъ подобныхъ,
Душой, умомъ играть удобныхъ,
Изъ урны розовой своей
Они съ восторгомъ разсыпали
Для милой Гостьи — и желали,
Конечно, вѣкъ ослаться съ ней.

Съ твоимъ къ намъ нынѣ
возвращеньемъ
Утѣхи возвратились вновь! . . .
Тебя съ живѣйшимъ восхищеньемъ
Здѣсь дружба встрѣтила, любовь: —

И взоромъ *милымъ* наградились
Сердца за мѣсяцъ скуки въ мигъ,
Веселья солнцемъ озарились
До глубины всѣ чувства ихъ! . .
Опять гармоніи небесной
Восторговъ сладкихъ дань несемъ;
Опять съ *пѣвицею любезной*
Душею райской нектаръ пьемъ. —
И Музы покрывало сняли
Унылости съ очей своихъ:
Небрежно безъ тебя лежали
Въ пыли, въ забвеньѣ лиры ихъ!
Но ты, подобно Промепею,
Огнь чувства снова въ нихъ зажгла! . .
Ты имъ улыбкою своею,
Софія! душу, жизнь дала! . . .

X.

ДЕЛЬФИРА.

Non, je n'ignore pas ce que c'eſt
que d'aimes.
Petrarque.

Пусть всѣ сокровища вселенной
Глазамъ представятся моимъ:
Одинъ твой взоръ умильно-нѣ-
жной,
Дельфира! предпочту всѣмъ имъ!

*

Пускай гармонїя всю сладостъ
Для слуха моего пролѣетъ:
Твой голосъ въ сердцѣ трепетъ —
радостъ
Сто разъ сильнѣй произведетъ.

*

Изящнѣйши красы въ Природѣ
Ждутъ мысли о тебѣ моей, —
Какъ солнца въ мрачной непогодѣ —
Для полной прелести своей!

*

Гдѣ нѣтъ тебя — и совершенства
Тамъ для меня, Дельфира! нѣтъ;
Съ тобой — мнѣ всё утѣхъ, блаженства
И радостей однѣхъ предметъ!

XI.

ПѢСНЯ.

„Нѣтъ щастїя безъ *милой*!“
Мнѣ сердце говоритъ —
И изъ души унылой
Тяжелый вздохъ летитъ!

*

Ничто не утѣшаетъ,
Ахъ! сердца моего . . .
Оно груститъ, страдаетъ:
Нѣтъ милой у него!

*

Что милую на свѣтѣ
Удобно замѣнить? . . .
Въ иномъ для насъ предметѣ
Не можетъ щастья быть.

*

Чѣмъ больше я мечтаю,
Дельфира! о тебѣ —
Тѣмъ больше ощущаю. . . .
Любви огонь въ себѣ.

XII.

КЪ Гр. А. А. Т — ой.

Гдѣ есть *слова* — тамъ слабы *чувства*;
Тамъ больше тонкости искуства,
Чѣмъ чувствъ глубокихъ, — чувствъ живыхъ; —
Слова не выражаютъ ихъ!

Графиня! цѣну ощущая
Всей благосклонности твоей,
И чувствъ моихъ не изъясняя,
Писалъ на днѣ души моей
КЪ тебѣ въ молчаньѣ благодарность,
И самъ въ себѣ я говорилъ:
„Что словъ игра, высокопарность,
Коль нѣтъ въ нихъ равныхъ чувствамъ силъ! —

Но ты желаешь непремѣнно,
Чтобъ я молчанїе прервалъ;
И въ сердцѣ чувство сокровенно
Въ словахъ — *стихахъ* — показалъ:

Твое желанье исполняю.
Графиня! вотъ стихи . . . но въ нихъ
Лишь только слабый, увѣряю,
Оттѣнокъ сильныхъ чувствъ моихъ!

XIII.

О * * *.

. . . Богатство вкругъ меня
сіяло — —
Парросской мраморъ, злато, штофъ,
Все взоръ дивило, ослѣпляло. —
„Не храмъ ли это *всѣхъ* боговъ?“
Нѣтъ! смертный имъ *одинъ* вла-
дѣетъ,
И тысячу еще другихъ
Подобныхъ этому имѣетъ. —
„Какъ долженъ щастливъ быть
онъ въ нихъ!
Онъ вѣрно рѣки проливаетъ
Благодѣянія вокругъ;
Онъ безъ сомнѣнья учиняетъ
Щастливыми сто бѣдныхъ вдругъ
И рай въ душѣ его конечно! —
Въ раю и *тамъ* онъ будетъ вѣчно . . .

Кто, кто щастливѣе его?“
Увы! не знаю ничего;
Но только знаю — что не можетъ
Одно богатство *раемъ* быть. —
Того и въ златѣ скука гложетъ,
Кто для себя лишь любитъ жить!

. . . . . .

Тутъ въ мысли умъ мой погрузился:
Я точку щастїя искалъ — —
Потомъ къ тебѣ я обратился,
Мой Князь! и самъ въ себѣ сказалъ:
„*Завиднѣй твой шалашъ — завиднѣй, чѣмъ чертогъ!*“

XIV.

КЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКУ

въ Полуденную Россїю, на письмо XXXIV.

Любезный юный Философъ!
Скажи, какъ могъ въ такїя лѣта
Ты стать въ ряду большихъ умовъ
И силы пріобрѣсть Атлета
Въ Аренѣ, — силы и вѣнокъ? . .
Подобно, какъ весенній токъ,
Стремишься съ юною душою,
Куда влечетъ она тебя;
Обширный смѣлою рукою
Чертишь кругъ дѣйствій для нея
И — силъ ея весь блескъ являешь,
Когда — какъ выспренній Платонъ —
О человѣкѣ размышляешь;
Объ обществѣ, въ которомъ онъ

Быть можетъ щастливъ иль не-
щастенъ
По мѣрѣ — сколь страстямъ под-
властенъ —
Симъ бурямъ сердца — духъ его;
Когда рисуешь для него
Жан-Жака (*) кистію прелес-
тной
Картину нравственныхъ утѣхъ;
Той чистой роскоши, небесной
(Сладчайшей для души изъ всѣхъ!)
Котору умъ и вкусъ вливаютъ
Въ изящныя сердца людей,
И прелесть жизни составляютъ
Для нихъ въ юдоли скорбной сей; —
Когда, какъ Франклинъ, совер-
шенства
Моральнаго чертя пути,
Зовешь для нашего блаженства
Въ слѣдъ добродѣтели идти . . .

(*) Руссо.

. . . . . .

. . . . . .

Цвѣти, сынъ Неба! и плодами
Обогащаяся блистай . . .
Между великими умами
Со славой мѣсто занимай!

XV.

КЪ А. Н. Щ — ой.

Ты хочешь, чтобъ стихи
тебѣ я написалъ?
Изволь — и случай самъ, мнѣ ка-
жется, желалъ (*),
Чтобъ я сказалъ тебѣ сти-
хами, —
Чегобъ не смѣлъ сказать
устами —
Стихи жь мои есть вѣкъ языкъ
души моей.
И такъ скажу согласно съ
ней,

Г

(*) ВЪ одинъ пріятный вечеръ (у К. В. П.) я слышалъ разсу-жденіе ея о *чувствахъ*.

Что ты одарена Природой
Нѣжнѣйшимъ сердцемъ и
душой,
И въ свѣтѣ *Юліей Руссовой*
Моглабъ, конечно, быть
другой;
Что ты . . . нѣтъ! болѣе ни сло-
ва ужь не должно:
Не все ли я сказалъ,
Что къ чести женщины сказать
лишь только можно,
Коль *Элоизою* тебя, не льстя, на-
звалъ?

XVI.

НА ИГРУ ЧЕТЫРЕХЛѢТНЯГО ДИТЯТИ (*).

Расти, любезное дитя!
Да съ лѣтами талантъ твой милой —
Весенней розой вѣкъ цвѣтя —
Влечетъ къ тебѣ волшебной силой

(*) Дочь Музыканта Герлички. Не льзя безъ удивленїя, безъ воспорга видѣть этотъ феноменъ въ моральномъ мїрѣ! Не имѣя конечно болѣе четырехъ лѣтъ съ половиною, она играетъ на фортепїано большую сонату, множество пѣсенъ — такъ искусно, такъ внимательно, дѣлая всѣ усилїя, чтобъ выбрать маленькими своими пальцами каждую ноту, сколько можно лучше!

Сердца чувствительныхъ людей!
Да чувство лишь души твоей
Твоимъ *искусствомъ* управляетъ;
Твоими мыслями играетъ —
Когда восторгъ своей *игрой*
Ты будешь лить въ сердца рѣкою! — —

Ахъ! часто съ хладною рукою
Искусство — дивностью одной —
Плѣняетъ чувства — услаждетъ,
И — зритель, слушатель одинъ
Блаженствомъ упоенъ бываетъ —
Егожъ блаженства властелинъ,
Въ душѣ и сердцѣ съ пустотою,
Доволенъ *только* похвалою:
Хвала — все щастïе его.
Онъ славѣ долженъ симъ искусствомъ;
Она была единымъ чувствомъ
Душою, сердцемъ для него! — —

Для щастїя души прямаго
Чувствительность потребна ей. . .
Пути къ блаженству нѣтъ инаго
Въ долинѣ жизни бѣдной сей!

XVII.

ЖУРНАЛЪ МОИХЪ ИДЕЙ (*).

„Быть нелюбиму женою, есть конечно нещастïе для супруга; но — быть ею любиму честному и благомыслящему человѣку, нѣжному и чувствительному къ добродѣтели сердцу, и — чувствовать къ ней отвращенïе, есть тяжкое и сострадательное мужа нещастïе!!! Ея любовь, должное чувство его благодарности, и его отвра-

(*) См. *Плодъ свободныхъ чувствованій*, Часть III, въ пïесѣ подъ симъ же именемъ.

щенїе, воюютъ съ пораженїемъ въ душѣ его и сердцѣ; раздѣляютъ, сближаютъ, ушомляютъ, сокрушаютъ. Его честь, собственность, заставляютъ его скрывать свою къ ней ненависть; его честь и благоразумїе заставляютъ его убѣгать и легчайшихъ видовъ слабости, какъ мрачной могилы добраго имяни, всей чести и достоинствъ, нераздѣльныхъ спутницъ прїятной жизни; слабости, которую судитъ Публика — даже порочная — берется и строго и всего охотнѣе. Нѣжнѣйшее сердце, ближайшее къ любви непорочной, или — самое любящее, и можетъ быть поспояннѣйшее и до-

стойнѣйшее сердце, по симъ обстоятельствамъ остается праздно, пусто. Естьли оно займется добродѣтелїю, то и сїя добродѣтель (которую оно чтитъ, которою занимаетъ все свое дѣйствїе) — то и сїя добродѣтель наконецъ поглощается пустотою сердца. Ахъ, сладкая добродѣтель! я видалъ тебя самую въ любовь, или — любовную страсть подобно обратившуюся. — О любовь! драгоцѣннѣйшїй источникъ и залогъ жизни! безъ тебя умираютъ всѣ чувства сердца, лучшїя способности и добродѣтели общежитїя! безъ тебя цѣль жизни изчезаетъ!“

„ Иностранецъ теплаго климата въ Сѣверѣ, есть дерево въ оранжереѣ. “

„ Всѣ нещастія въ жизни перенести можно, но — потерявъ добродѣтель, жизнь есть тягостнѣйшее бремя, и — необходимо умереть должно. “

„ Сильнѣйшій человѣку врагъ есть — онъ самъ себѣ. “

„ Чтобъ живѣе и натуральнѣе изобразить проповѣднику гнусность порока и красоту добродѣтели, кажется нужно, чтобъ онъ иногда чувствовалъ собственные проступки, и краски, такъ сказать, бралъ на часть свою изъ собственнаго сердца и совѣсти своей. “

„ Нѣтъ щастїя важнѣе, нѣтъ радости живѣе — въ цѣлой Системѣ мїра — какъ, бывъ у края преступленїя, переломить себя, такъ сказать, у самаго грѣха, и — возвратиться къ добродѣтели!!! “

XVIII.

ЧАСЫ МОЕГО БЛАЖЕНСТВА.

O sentiment ! ſentiment ! douce vie de l'ame !
Quel eſt le coeur de fer que tu n'as jamais touché ?

J. J. Rouſſeau.

Когда съ спокойною душою
Сажусь по упру за *бюро* : —
Беру бумаги листъ, перо,
И образъ вѣрною рукою
Рисую сердца моего ; —
О дружбѣ, о любви мечтая —
Сихъ милыхъ божествахъ его —
Посланье, *пѣсню* сочиняя,

И чувствами души моей
Любовь чувствительныхъ людей
Найти ласкаясь — забываю
Всѣ скорби жизни сей земной;
Въ странѣ блаженства обитаю
Воображенїемъ, — душой; —
Или съ Монтанемъ, Фонтенелемъ,
Съ Жан-Жакомъ, Сперномъ, Мармонтелемъ,
Съ Державинымъ, Карамзинымъ
Въ бесѣдѣ сладкой научаюсь;
Умомъ и сердцемъ ихъ плѣняюсь,
И дань плачу восторговъ имъ.

Когда съ сердечными друзьями
Усѣвшись тѣсно въ полу-кругѣ,
Безъ желчи острыми словами
Другъ другу льемъ веселость въ духъ;
Отъ сердца добраго смѣемся;
Потомъ за книжки всѣ беремся,

И каждой въ очередь другимъ
Читаетъ громко, — замѣчаетъ;
Восторгомъ пламеннымъ своимъ
Всѣмъ жаръ восторга сообщаетъ; —
Или о свѣтѣ чудномъ семъ,
О феноменахъ (*), зримыхъ въ немъ,
Какъ Философы разсуждаемъ;
Съ улыбкой вздохъ, слезу мѣшаемъ,
И . . . добродѣтели святой
Клянемся лишь служить одной.

Когда тамъ *вечеръ* провождаю,
Вседневнымъ гдѣ умомъ моимъ
Доволенъ истинно бываю,
Блистать не помышляя имъ;
Гдѣ свѣтъ волшебный воображенья,
Гдѣ мыслей, словъ игра лїютъ
Въ сердца всю сладость восхищенья;
Гдѣ споръ безъ ѣдкости ведутъ;

(*) Авторъ разумѣетъ нравственные феномены.

Гдѣ ужинъ шумнымъ разговоромъ
Живой веселости гремитъ;
Гдѣ милая хозяйка *взоромъ*
„Мнѣ милы гости!“ говоритъ.
Когда гармоніи небесной,
Пѣвицы, для души прелестной, —
Облокотясь на фортепьянъ, —
Внимая — небомъ наслаждаюсь,
Въ мечтахъ щастливѣйшихъ теряюсь;
Блаженства вижу океанъ!!!

(**) Авторъ часто имѣлъ случай наслаждаться восхитительнымъ пѣніемъ одной интереснѣйшей дѣвицы.

XIX.

КЪ НИКОЛИНЬКѢ.

Какъ можно не любить Амура всей
душею?
Вѣдь онъ, оставя всё, малюточ-
ка, — дитя,
И можетъ быть точь въ точь лю-
безностью своею
Похожъ, Николинька, мой милой,
на тебя!

XX.

IN-PROMPTU.

Будемъ — будемъ веселиться,
О друзья! на зло Судьбы;
Въ чистомъ сердцѣ насладиться
Можемъ радостїю мы.

*

Щастья злые лишь не знаютъ —
Ввѣкъ тоска въ сердцахъ у нихъ. —
Ахъ! весельемъ не блистаютъ
Ввѣкъ угрюмы взоры ихъ.

*

Но у насъ сердца не злые —
Мы безъ страха заглянуть
Можемъ въ сгибы ихъ кривые:
Въ нихъ добру проложимъ путь.

*

Такъ, друзья! повеселимся,
Посмѣемся, попоемъ;
Съ рокомъ грознымъ помиримся
Въ наслажденіи своемъ.

XXI.

В* П* У — ой,

въ день Именинъ.

Тихой тонъ моей цѣвницы
Не противенъ для тебя! . . .
Для чего Пѣвца Фелицы
Не имѣю арфы я?
Я тебѣ бъ, ему подобно,
Съ чувствомъ пламеннымъ воспѣлъ:
Я предметомъ бы имѣлъ
Сердце кроткое — незлобно, —
Тихой Ангельской твой нравъ,
Чистый разумъ, просвѣщенье,
Вкусъ твой въ выборѣ забавъ,
Всю любезность въ обхожденьѣ,

Тонкость знанїя людей —
СловомЪ: я воспѣлЪ бы смѣло
Каждой дарЪ души твоей! —
СЪ звукомЪ арфы бы летѣло
КЪ чувству слуха твоего
Чувство сердца моего.

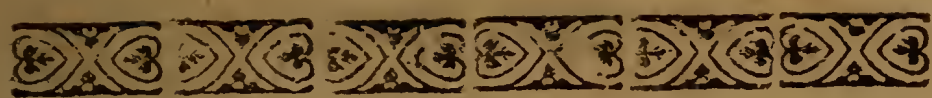
АхЪ! фїялочку лишь скромну
ВмѣстоЪ пышныхЪ, гордыхЪ розЪ,
(Сердцу добраго подобну)
Ты позволь, чтобЪ я поднёсЪ —
СЪ чистымЪ пламеннымЪ желаньемЪ
Щастья, радостей — тебѣ!..
Щастье, радость обладаньемЪ
ЛучшимЪ въ каждой есть судьбѣ!!

XXII.

КЪ ПОРТРЕТУ.

Н. М. К * *.*

Безъ нѣжныхъ чувствъ души не взглянетъ
Никто на образъ милый сей! . . .
Онъ жить вовѣкъ не перестанетъ
Въ сердцахъ чувствительныхъ людей.



XXIII.

ПѢСНЯ.

Судьба играетъ вѣчно нами,
Спокойствомъ, — славой, — бытїемъ,
И — даже нашими сердцами! . .
Она смѣется надо всемъ!

Надмену страстью заставляетъ
Горѣть сильнѣйшею ко мнѣ;
Моей душѣ опредѣляетъ
Горѣть, пылать въ иномъ огнѣ!

Пылаю, мучусь — но Дельфира
Другому взоромъ говоритъ:
„Съ тобой мнѣ рубище — порфира!“
Но богъ души ея — молчитъ! — —

Виновны ль мы, когда невластны
Надъ сердцемъ, надъ душей своей?
Конечно нѣтъ! . . но мы нещастны
Въ сладчайшемъ щастьѣ для людей!

XXIV.

КЪ ПОРТРЕТУ

Генерала Дезе (*).

Потомство будетъ знать тебя,
Дезе, конечно:
Съ твоею доблестью живутъ въ
потомствѣ вѣчно.

(*) Молодой Герой убитъ на полѣ славы. — Умирая, онъ сказалъ своему АдЪютанту: „Скажите главному Консулу, что я съ печалїю умираю, для того, что не довольно отличилъ себя — чтобъ жить въ потомствѣ.“

XXV.

НАТАША.

Щастье! гдѣ ты обитаешь?
Гдѣ чертогъ волшебный твой?
Для кого ты наливаешь
Въ чашу нектаръ райской свой?..
Гдѣ? . . . въ богатствѣ, въ славѣ звучной,
Въ Царскихъ храмахъ золотыхъ?..
Крезовъ взоръ угрюмой, скучной —
При сокровищахъ своихъ —
Грусть души, тоску являетъ — —.
Нѣтъ! онъ мучится всегда,
И съ тобою не бываетъ,
Щастье! въ дружбѣ никогда. —
Въ лаврахъ грозные Ашилы,
Посреди своихъ трофей —
Знаковъ люпости и силы —
На *рунахъ* ли людей,

Тамъ, гдѣ страшною рѣкою
Ихъ течетъ невинна кровь, —
Обладать могли тобою,
Пріобрѣсть твою любовь? —
Тяжесть скипетра, короны,
Сердце, душу бременитъ —
И Владыкъ блестящи троны
Лишь имѣютъ щастья видъ!!!

Гдѣжь ты, щастье, обитаешь?
Гдѣ чертогъ волшебный твой?
Для кого ты наливаешь
Въ чашу нектаръ райской свой? —
Знаю . . . въ сердцѣ у Наташи,
Щастье! храмъ и нектаръ твой . . .
Ахъ! ябъ пилъ изъ полной чаши
Въ немъ всѣ радости душой, — —
Такъ — въ любви твоей, Наташа!
Я вкушалъ бы небо, — рай! . .
Знаю, жизнь была бы наша
Ввѣкъ цвѣтущій, свѣтлый Май!!

XXVI.

СТИХИ

на день Высокоторжественнаго Коронованія ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО.

Святый Храмъ Бога растворился—
И Царь предъ Пастыремъ стоитъ
Небеснымъ свѣтомъ озарился
Намѣстника Христова видъ:
Онъ въ образѣ Его высокомъ,
Въ благоговѣнїи глубокомъ
Приближась Храма къ Олтарю,
И взявъ елей съ вѣнцемъ въ

десницу

Въ другую скипетръ, багряницу,
Вѣщаетъ къ Вышнему Царю:

„Елеемъ радованья, славы
„Помазать, Боже! удостой
„Пріемника земной Державы,
„И волею Твоей святой
„Одѣй Его съ эѳира въ силу,
„Потребну царствія къ кормилу —
„И на главу Его вѣнецъ
„Отъ камне наложи честнаго,
„Да дней Его пути прямаго,
„Всевышній! отдали конецъ.

„Даждь въ руки скиптръ Ему спасенья;
„На тронѣ правды посади;
„Внуши хранить Твои велѣнья,
„И тронъ Собою огради!
„Любовь къ послушнымъ, сострада-
данье,
„Суда правдиваго желанье

„И страхъ Твой въ сердце влей Его;
„Да милуются Имъ убоги,
„И да наслѣдитъ Онъ черпоги
„Небесна царства Твоего!“ . .

Какое зрѣлище! . . на Тронѣ
Россіи юный Царь сидитъ
Въ блестящей солнцами коронѣ! . .
Въ восторгѣ кровь моя кипитъ.
Въ семъ Храмѣ, въ сихъ стѣнахъ Кремлёвскихъ
Еще Царей, Князей *Московскихъ*
Вѣнчали властію святой:
Младый Владыко *полвселенной*
Теперь порфирой ихъ нетлѣнной
Одѣянъ Промысла рукой! . . .

Гремящихъ гласовъ милліоны
Къ Творцу въ молитвѣ вознеслись:
„Въ лучахъ сіяющей короны,
„Небесна Милость! низпустись
„Съ ней вмѣстѣ на главу Владыки,
„На царство и на вся языки

„Подвластны скипетру Его!
„Да щастье Онъ свое — въ блаженствѣ,
„Любви сыновней въ совершенствѣ
„Народа снищетъ своего!“

Всевышній слухъ къ мольбамъ склоняетъ —
И въ Храмъ низходитъ свой святой:
Онъ Самъ — Онъ Самъ Царю вручаетъ,
Невидимой своей рукой
Священну власть — народомъ править,
И съ ней обязанность, доставить
Народу щастье своему . . .
Онъ въ сердцѣ Царскомъ созидаетъ
Блаженство Россовъ — и ввѣряетъ
Ихъ жребій съ скипетромъ Ему!

Пріемля скипетръ — Царь пріемлетъ
Судьбу народа своего!

Клянется . . . Богъ сей клятвѣ
внемлетъ!

Пещись о благѣ вѣкъ Его. —
Что клятвы Вашей есть сильнѣе,
Что долга Вашего святѣе,
Владыки смертныхъ! въ мірѣ
семъ? . .

Спокойства, щастья милліоновъ
Людей — или ихъ слезъ и стоновъ
Лишь Вы творцы едины въ немъ.

МОНАРХЪ! Ты свято почи-
таешь
Врученный Небомъ долгъ Тебѣ;
Ты славу Трона полагаешь
Въ щастливой подданныхъ судь-
бѣ! —

Лишь Ты возсѣлъ на Тронъ высо-
кой —
И путь къ нему для всѣхъ широ-
кой,

Какъ къ Храму Божїю, открылъ;
Ты Ангеломъ на немъ явился;
Твой Тронъ сердцами оградился —
Твердѣйшей стражей всякихъ силъ.

Ты въ кратко время передъ
свѣтомъ;
МОНАРХЪ! довольно доказалъ,
Что искреннимъ въ душѣ обѣтомъ
Свой жребїй съ жребїемъ связалъ
Подвластнаго Тебѣ народа. —
Какъ вешнїе дары Природа,
Ты милости на всѣхъ излилъ
Въ началѣ Своего правленья —
И Генїя благотворенья
Уже Ты имя заслужилъ.

Златою въ *будущемъ* сїяютъ
Еще надежды намъ зарей:
Онѣ исполнить обѣщаютъ
Всю мѣру щастья нашихъ дней. —
Уже Тебя, МОНАРХЪ! мы знаемъ,
Въ душѣ благой Твоей читаемъ

Щастливый, славный жребій свой!
Уже толико ожиданій,
Сердечныхъ тайныхъ упованій,
МОНАРХЪ! оправдано Тобой.

Ты новый въ мірѣ семъ собою
Примѣръ покажешь — что Цари
Своей единственно рукою
Себѣ нетлѣнны олтари
Въ вѣкахъ позднѣйшихъ созидаютъ;
Покажешь, что они бываютъ
По волѣ собственной своей
Боготворимы всѣхъ сердцами,
И щастья полнаго творцами
Судьбой имъ ввѣренныхъ людей.

Питомцы Музъ Тебѣ на лирѣ
Не престаютъ хвалы гремѣть
Съ того часа, какъ Ты въ порфирѣ;
И — не престанутъ вѣчно пѣть

Подъ щаспливымъ Твоимъ правленьемъ!
Ты ихъ почтилъ Своимъ воззрѣньемъ:
Ихъ лестью свѣтъ не укоритъ; —
Ты злобу онѣмѣть заставишь. . . .
МОНАРХЪ! Ты самъ себя прославишь,
И будешь . . . . *Маркъ-Аврелій*, —
Титъ!

XXVII.

СТИХИ

Для Польскаго.

МОНАРХЪ — МОНАРХЪ Боготворимый!
Владыко нѣжный душъ, сердецъ!
Зри нашъ восторгъ неизъяснимый:
Ты щастья нашего творецъ.
Гдѣ Царь любимъ своимъ народомъ,
Тамъ щастливъ и народъ и Царь!
ЕКАТЕРИНЫ! Антонины!
Краса Престоловъ и людей —
Въ дни наши щастливой судьбины
Мы рай вкушаемъ вашихъ дней.
Гдѣ Царь любимъ и проч.

ВЪ вѣкъ АЛЕКСАНДРА воскресаютъ
Вѣковъ прошедшихъ лучши дни,
Какъ солнце въ небѣ, возсіяютъ
Въ Исторіи временъ они.
Гдѣ Царь любимъ и проч.
Раздавшись въ мірѣ, затихаютъ
Побѣдны громы наконецъ:
Героевъ брани проклинаютъ
Со *плескомъ* въ глубинѣ сердецъ;
Гдѣ Царь любимъ и пр.
Но добродѣтелей Герои
Безцѣнны памяти, сердцамъ! —
На что лишь кровь? — на что жечь Трои! . . .
Любовь людей — вотъ слава вамъ!
Гдѣ Царь любимъ и проч.
Не брани — нѣтъ! благотворенья,
МОНАРХЪ! Ты истинной Герой.
Твои вѣнки — благословенья;
Сердца — трофей безсмертный Твой.
Гдѣ Царь любимъ и проч.

О какъ любимъ, МОНАРХЪ, Ты нами!
О какъ мы щастливы Тобой! —
Владѣя подданныхъ сердцами,
Ты имъ Отецъ; будь ихъ судьбой.
Гдѣ Царь любимъ и проч.
Одинъ Твой взглядъ, МОНАРХЪ любезный!
Жизнь нову въ душу Россовъ льешъ;
Одной улыбкою небесной
Ты покорилъ бы цѣлый свѣтъ.
Гдѣ Царь любимъ и проч.
Свѣтъ цѣлый былъ бы, намъ подобно,
Исполненъ щастїя, утѣхъ;
И всё — что есть на свѣтѣ злобно,
Забыто, стало бы у всѣхъ.
Гдѣ Царь любимъ и проч;
МОНАРХЪ — МОНАРХЪ Боготворимый!
Владыко нѣжный душъ, сердецъ!

Зри нашъ восторгъ неизъяснимый:
Ты щастья нашего творецъ!
Гдѣ Царь любимъ своимъ
народомъ,
Тамъ щастливъ и народъ
и Царь!

XXVIII.

СТИХИ

На открытïе Театра

благоволенïемъ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА
АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО,

въ селѣ Будѣ.

Quel plaiſir de penſer et de dire en
ſoi-même :
Par-tout en ce moment on me bénit,
on m'aime ,
On ne voit point le peuple à mon
nom s'alarmer ;
Le Ciel dans leurs pleurs ne m'en-
tend point nommer. —
Racine.

Какой народъ, о Россы! въ мïрѣ
Щасшливѣй васъ своей судьбой? . .

Гдѣ АнгелЪ благости вЪ порфирѣ,
Гдѣ АЛЕКСАНДРЪ еще другой?..
ОдинЪ лишь ОнЪ — у васЪ на тронѣ!...
Блаженства вашего творецЪ! —
ОнЪ блескЪ сугубый далЪ коронѣ
Любовью нѣжною сердецЪ;
ОнЪ СкипетрЪ сдѣлалЪ свой сильнѣе,
И власть Монаршую милѣе
ВеликодушïемЪ своимЪ! —
На всѣ излиты ссспоянья
Струи Его благодѣянья!....
Гдѣ Царь вЪ щедротахЪ равный сЪ
НимЪ?

ТамЪ ощастливлены ТобоюЪ
Семейства мирны дни ведутЪ;
И сЪ чувствомЪ пламеннымЪ, —
сЪ слезою,
МОНАРХЪ! ОтцемЪ Тебя зовутЪ.
ТамЪ воинЪ, вЪ службѣ посѣдѣлый,

Твоей покоится рукой,
И жизни ветхой за предѣлы;
Взираетъ съ ясною душой!
Тамъ земледѣлецъ за сохою,
Почтеннымъ названной Тобою,
Съ веселїемъ въ очахъ идетъ —
И благодарность къ Небу шлетъ!

А здѣсь невинныя забавы
Тобой, МОНАРХЪ! позволены,
И Музъ — народной спутницъ славы —
Успѣхи вновь оживлены!
Онѣ благимъ Царямъ любезны;
Онѣ для общества полезны;
Ихъ цѣль — порочны нравы гнать,
Сердца къ добру образовать. —
Безъ Музъ нѣтъ въ жизни услажденья!
Безъ нихъ бы не познавалъ во вѣкъ
Цвѣтокъ ума, воображенья
И силы въ чувствахъ человѣкъ!

Онѣ тебѣ хвалой нелѣстивой,
МОНАРХЪ! въ судьбѣ своей щастливой,
Чистѣйшу жертву воздаютъ!
Онѣ дѣла Твои благія —
Дѣла безсмертныя, святыя,
Въ вѣкахъ позднѣйшихъ воспоютъ!

Нѣтъ — нѣтъ народа, Россы!
въ мірѣ
Щастливѣй васъ своей судьбой!
Вдѣ Ангелъ благостпи въ порфирѣ,
Тамъ вѣкъ блаженства — вѣкъ
златой!!!

ТАРТЮФИДА.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ БЕЗДѢЛКА,

въ трехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

ТАРТЮФИДА, молодая вдова, пріѣзжая изъ Провинціи.
ХИТРАНА, мнимая ея пріятельница.
ПРОСТОСЕРДЪ, молодой человѣкъ.

Г. ВИДАЛОВЪ.
Гжа. ВИДАЛОВА, жена его, умная, съ познаніями женщина.
ЛЕ-СО, Французъ поршной, живущій у Тартюфиды.

Лакей, Дѣвка, } Тартюфидины.

Лакей Видаловыхъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Диванная въ домѣ у Тартюфиды.

ТАРТЮФИДА и ПРОСТОСЕРДЪ. (*сидя на диванѣ*)

ПРОСТОСЕРДЪ. (*въ веселомъ расположеніи духа*)

Немного вѣтрености въ мущинѣ — право, сударыня, не худо. Строгое постоянство носитъ печать какой-то угрюмости; препятствуетъ цвѣсть воображенію, безъ котораго всё мертво; — даже самое сердце не выигрываетъ ничего при этомъ. Будучи привязано, такъ

сказать, къ одному предмету, оно лишается живости, огня въ чувствованіяхъ; за этѣмъ слѣдуетъ ощущеніе нѣкоторой пустоты, тайной скуки, и — прости вся очаровательность свѣта!

ТАРТЮФИДА. (*съ важностію*)

Отдавая справедливость вашему краснорѣчію, должно признаться, что мнѣ очень мудрено-ваше разсужденіе. — Мущина, который ищетъ въ каждой женщинѣ — не найдетъ конечно ни въ одной. Должно признаться, что такой мущина оскорбляетъ всякую женщину. — Къ чему эта старательность съ вашей стороны, нравиться женщинамъ въ то время, когда

онѣ объ васъ можетъ быть и не думаютъ?

ПРОСТОСЕРДЪ.

По крайней мѣрѣ не всѣ женщины такъ суровы: иной не противно наше исканіе; иная сама ищетъ нравиться намъ . . .

ТАРТЮФИДА.

Признаюсь, сударь, что я очень сомнѣваюсь, чтобъ женщина искала вамъ нравиться; — я не думаю этова! вы только ласкаете себя этѣмъ — и напрасно!

(*улыбается съ иронiей.*)

ПРОСТОСЕРДЪ.

Не уже ли ни мало вообще не хотятъ женщины нравиться намъ? . . . Я имѣю нѣко-

торые противные этому признаки — доказательства; — на примѣръ: для чего же эта разборчивость въ нарядахъ, эта стремительность къ большимъ обществамъ, это вниманіе къ дѣйствіямъ своихъ прелестей?

ТАРТЮФИДА. (*съ жаромъ*)

Мы одѣваемся собственно для себя; бываемъ въ обществѣ для знакомыхъ, для родныхъ, и — должно признаться — не думаемъ объ васъ.

ПРОСТОСЕРДЪ. (*перемѣня немного тонъ*)

Наконецъ — согласитесь ли вы, сударыня, что желаніе нравиться съ вашей и нашей стороны можетъ быть впрочемъ очень невинно? . . . Притомъ же — это одушевляетъ обще-

ство, даетъ ему духъ живости, веселости, — иначе было бы скучно и вамъ и намъ.

ТАРТЮФИДА.

Ошибаетесь, сударь! намъ скучнѣе тогда, когда вы вьётесь около насъ, — простите мнѣ эту искренность; — должно признаться, что мущины дѣлаются несносны въ такомъ случаѣ!

ПРОСТОСЕРДЪ. (*съ горькою улыбкою*)

Несносны . . . . какое слово! . . . Пощадите, сударыня, чувствительность мою; пощадите меня для той нѣжной привязанности, которую я имѣю къ вашему полу.

ТАРТЮФИДА. (*съ строгостію*)

Покорно благодарю, сударь! . . . . только эта нѣжная

привязанность — должно признаться вамъ — болѣе обидна, нежели обязательна . . . Признаюсь вамъ, что благопристойность я всего болѣе уважаю; — кто нарушаетъ ее, тотъ подаетъ мнѣ худое о себѣ мнѣніе.

ПРОСТОСЕРДЪ. (*нѣсколько задумавшись*):

Не попалъ ли и я, сударыня, на эту роковую точку? . . . По крайней мѣрѣ я очень бы не желалъ . . .

(*Входъ Хитраны перерываетъ слова его*)

СЦЕНА II.

Тѣ же и ХИТРАНА.

ТАРТЮФИДА. (*самымъ нѣжнымъ тономъ*)

Ахъ, милая! . . . здравствуй, душа моя! (*цѣлуются*) всё ли здорова? . . . а сказала, что тотчасъ будешь — что дѣлала дома? . . .

ХИТРАНА. (*съ искусственнымъ смѣхомъ*)

Дописывала письмо . . . Я къ вамъ съ работою. — А! (*къ Простосерду*) всё ли въ добромъ здоровьѣ? давно ли здѣсь?

ПРОСТОСЕРДЪ. (*кланяясь*)

Какъ вы въ своемъ здоровьѣ? . . . Тѣнь лица вашего служитъ пріятнымъ для дру-

зей вашихъ отвѣтомъ на такой вопросъ. . . .

ХИТРАНА. (*бросая вокругъ взоры*)

Вы меня радуете, сударь.

ТАРТЮФИДА.

Садись милая здѣсь . . . (*указывая подлѣ себя на диванѣ мѣсто*); а у насъ (*оборотясь къ Хитранѣ*) съ Простосердомъ было несогласіе. . . . Будь судьею, милая, нашего разговора. Простосердъ изволитъ говорить, что мы для того одѣваемся, для того выѣзжаемъ — чтобъ нравиться мущинамъ. . . . Простосердъ обижаетъ женщинъ; должно признаться, что ни одна женщи-

на не имѣетъ этой мысли при нарядахъ, при выѣздахъ своихъ, — я сужу по себѣ — и не обманываюсь вѣрно. . . . Мущины всегда толкуютъ объ насъ въ свою пользу — и всегда ошибаются. — Должно признаться, что я никогда не подамъ поводу мущинѣ къ какой либо *пріятной для него мысли* — въ разсужденіи себя, и готова всегда возненавидѣть того изъ нихъ, которой бы вздумалъ показать мнѣ, что ищетъ особливаго моего вниманія. . . . Покойной мужъ мой (*съ жемантеомъ*) даже часто выговаривалъ мнѣ за это. . . Когда онъ бывалъ въ отсутствіи, то я сказывала пріятелямъ его, что я ихъ безъ мужа не принимаю, и они

ко мнѣ не ѣздили. (*вздыхаетъ и третъ глаза*)

ХИТРАНА. (*работая кошелекъ, съ лукавствомъ*)

Конечно; намъ всячески должно удаляться отъ мущинъ — и Простосердъ не правъ, думая, что мы хотимъ нравиться имъ. Кстати ли это! (*возвышеннымъ тономъ*) какая женщина будетъ заниматься этимъ?

ТАРТЮФИДА. (*лаская Хитрану*)

Должно признаться, милая, что мущины ошибаются — ошибаются много! Для женщинъ всего дороже . . . слава, честь! — Покойной мужъ мнѣ читалъ однажды въ Римской

Исторіи, что одинъ Государь хотѣлъ искусить невинную дѣвушку — не успѣлъ въ томъ, и прибѣгнулъ къ власти; — но Лукреція — эта дѣвушка, предупредила нещастіе свое смертію: она закололась. — Должно признаться, что я сдѣлала бы то же.

ХИТРАНА. (*взглянувъ украдкою на Простосерда.*)

Ну, конечно; смерть въ такомъ случаѣ лучше, нежели жизнь. — Я хвалю Лукрецію.

ТАРТЮФИДА. (*съ глубокимъ вздохомъ*)

Покойной мужъ мой всегда читывалъ мнѣ что нибудь, когда я сиживала за работою.

Онъ былъ ученой человѣкъ, только книгами и занимался; съ утра до ночи бывало въ своемъ кабинетѣ пишетъ, или читаетъ; на силу бывало вызовешь его. Какъ онъ хорошо писалъ стихи! . . . сколько было у него машинъ, зрительныхъ трубокъ . . . умной и любезной былъ человѣкъ! — я скажу это, — хотя онъ былъ мужъ мой. . . . Ахъ! ни одинъ мущина въ свѣтѣ не возбудилъ бы такой любви въ сердцѣ моемъ — и ни одинъ мущина въ свѣтѣ не будетъ владѣть сердцемъ, которымъ онъ владѣлъ!

(утираетъ глаза; потомъ беретъ со стола работу)

ХИТРАНА. (*съ лукавствомъ*)

Вы ради придраться къ чему нибудь, лишь только бы вамъ говорить о покойномъ вашемъ супругѣ и плакать — къ чему это, сударыня?

ПРОСТОСЕРДЪ. (*смотритъ на нее со вниманіемъ; встаетъ и подходитъ къ концу театра*)

Какая женщина! . . . она заставляетъ меня удивляться ей . . . она трогаетъ меня своею чувствительностїю, своею нѣжностїю! . . Я готовъ плакать . . . Какъ мила, интересна такая женщина — хотя бы она не была *Нинонъ Ланкло*, *Севинье*, *Жанлисъ*! . . . Нѣжность и добродѣтель лучшая прелесть женщины!

И

ХИТРАНА. (*къ Тартюфидѣ*)

Прикажите показать новое платье свое: мнѣ хочется себѣ сдѣлать такое же; надѣюсь, что вы позволите своему портному заняться дни два работой для вашей покорной . . . (*взглянувъ лукаво на Простосерда*)

ТАРТЮФИДА.

Съ удовольствіемъ, жизнь моя. (*звонитъ въ колокольчикъ*)

СЦЕНА III.

(Входитъ дѣвка)

ТАРТЮФИДА.

Подай новое тяфтяное платье, и позови Ле-Со.

(ЛЕ-СО *и дѣвка съ платьемъ входятъ*)

ХИТРАНА. (*осматривая платье*)

Ахъ! какъ хорошо сдѣлано! какая щегольская спинка, какія рукавка! браво, мосье Ле-Со! мастеръ, мастеръ шить! — — какъ пріятно имѣть въ домѣ такова человѣка! (*взглянувъ съ выразительною улыбкою на Простосерда, которой въ разсѣяніи*). У кого такой портной, тому можно щеголять.

ТАРТЮФИДА.

Я имъ ужасно какъ довольна! онъ только посмотритъ на новой фасонъ — и тотчасъ переймета.

ХИТРАНА.

И это всего лучше, — онъ же примѣнился къ вашему кор-

пусу. (*бросаетъ быстрой взоръ на Простосерда*)

ТАРТЮФИДА.

Онъ всегда угодитъ мнѣ.

ПРОСТОСЕРДЪ. (*патетическимъ тономъ*)

Какъ онъ щастливъ, угождая милой Госпожѣ своей! . .

ТАРТЮФИДА. (*съ язвительною улыбкою*)

Вотъ Простосердъ тотчасъ и съ комплиментомъ. — Должно признаться, что я не умѣю быть благодарною за комплименты — не потому, что вы ихъ дѣлаете — а признаться, я всегда равнодушна къ нимъ.

ХИТРАНА. (*къ Ле-Со*)

Мосье! Тартюфида позволила мнѣ занять тебя моею

работою: я пришлю тебѣ тафту, и прошу сдѣлать точно такое платье, какъ это — такую же спинку, рукавка.

ЛЕ-СО. (*гордо*)

Ошень корошо.

ХИТРАНА.

А теперь прошу снять мѣрку.

ЛЕ-СО. (*снимая мѣрку*)

Ваша таль не сама честлива.

ХИТРАНА.

Чтожь дѣлать, мосье! я немного толста.

ЛЕ-СО.

Не мошно шаловаться — дофольно на одинъ персонъ.

ХИТРАНА. (*смѣясь и поглядывая на Тартюфиду*)

Изрядно изволишь шутить, мосье!

ЛЕ-СО.

Какъ шутишь? — я говоритъ суше правдъ — и вы ничево отъ это не теряитъ: толста женшинъ луше — plus appetiſſante. (*Тартюфида притворяется, что ничего не слышитъ, занимаяся своею работою*)

ХИТРАНА.

Вы ничего не слышите? (*смѣется*) Какія дусёры растоваетъ Ле-Со передо мною!

ТАРТЮФИДА.

Не слыхала ничего. — Ле-Со всегда балагуритъ, кстати или не кстати.

СЦЕНА IV.

ТАРТЮФИДА и ХИТРАНА.

ХИТРАНА.

Простосердъ конечно уѣхалъ — (*немного помолчавъ*) Скажите искренно, Тартюфида, какъ вамъ кажется Простосердъ?

ТАРТЮФИДА.

Ежели ты желаешь, чтобъ я была искренна, то признаюсь, что Простосердъ мнѣ не нравится; я много добраго слышала объ немъ, и вѣрю: но его искательность въ женщинахъ, его мнѣнія объ насъ . . . я не люблю такихъ мущинъ — или лучше сказать, Хитрана: я не

люблю, я не любила совсѣмъ мущинъ — кромѣ одного покойнаго моего мужа! (*вздыхаетъ*)

ХИТРАНА. (*съ улыбкою*)

Это маленькая несправедливость съ вашей стороны — и искательность мущины въ женщинахъ всего менѣе, кажется, заслуживаетъ ненависть нашу. Говоря о Простосердѣ, я скажу, что его мнѣнія объ насъ нимало не дурныя: онъ никогда ничего худаго не говоритъ о женщинахъ.

ТАРТЮФИДА.

Но онъ думаетъ, что и мы стараемся нравиться мущинамъ, ищемъ ихъ вниманія, взоровъ — развѣ такое мнѣніе

не обидно для порядочной женщины?

ХИТРАНА. (*съ лукавствомъ*)

Да — это конечно вздоръ; станетъ ли порядочная женщина думать объ этомъ? . . Однакожь Простосердъ въ этомъ случаѣ не правъ вмѣстѣ со всѣми мущинами на свѣтѣ: всѣ они воображаютъ, что мы такъ же занимаемся ими, какъ они нами. — Но кромѣ общаго этова всѣмъ мущинамъ порока, Простосердъ можетъ нравиться женщинамъ — признайтесь . . .

ТАРТЮФИДА. (*съ жеманствомъ*)

По крайней мѣрѣ не мнѣ; — должно признаться, что онъ ничего не значитъ для меня:

можетъ быть это отъ того, что я имѣю отвращеніе ко всѣмъ мущинамъ — и не замѣчаю ихъ.

ХИТРАНА. (*смѣясь*)

Какъ вы жестоки! не уже ли самой любезнѣйшій изъ нихъ, самой интереснѣйшій не обратитъ вашего вниманія на себя? . . . хоть немного?

ТАРТЮФИДА.

Ни мало, ни мало! — Должно признаться, милая Хитрана, что ежели бы я не встрѣтилась съ покойнымъ моимъ мужемъ — то я бы вѣрно не понимала словъ твоихъ: любезнѣйшій, интереснѣйшій; потому что я до него и послѣ него не видала такого, какъ ты описываешь, мущины.

ХИТРАНА.

Это отъ того, что вы не смотрите на нихъ; что вы взглянули какъ-то по щастію для покойнаго вашего мужа только на него одного, и послѣ опустили глаза съ тѣмъ, чтобъ не поднимать ихъ на другаго.

ТАРТЮФИДА. (*съ крайнимъ жеманствомъ*)

Это правда, милая! — притомъ же мущины опасны для нашей чести: подай имъ только поводъ къ какой-либо надеждѣ, мысли, что они тотчасъ и станутъ вольно обращаться съ нами; станутъ говорить, шутить такъ свободно — смѣло! . . . можно ли сносить это порядочной женщинѣ?

ХИТРАНА. (*съ лукавствомъ*)

Не уже ли въ этой вольности, въ этой свободѣ, со стороны мущины говорить, или шутить, конечно благопристойно съ женщиною, есть оскорбленїе для нее?

ТАРТЮФИДА.

Ахъ, Хитрана! что же вреднѣе этого для доброй нашей славы? . . . Нашей сестрѣ должно такъ весть себя, чтобы мущина не осмѣлился лишнїй разъ взглянуть на нее, чтобъ ему и въ мысль не пришло сказать ей какое нибудь нѣжное слово; коротко: чтобъ никакой листочикъ, никакая тѣнь не упала на репутацїю нашу — иначе мы постраждемъ.

ХИТРАНА.

Это ужасно! казалось бы чего бояться женщинѣ съ хорошими правилами такихъ мѣлочей? Какъ мы жалки, женщины! слава, доброе имя наше зависятъ не отъ насъ, но отъ тѣхъ, съ кѣмъ намъ быть случится! . . .

ТАРТЮФИДА.

Точно такъ, милая! . . намъ должно презирать, ненавидѣть мущинъ! . . . О естьлибъ они знали, какъ они мнѣ противны!

(*Занавѣсъ опускается*)

Конецъ перваго Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ,

СЦЕНА I.

(*Въ домѣ у Видаловыхъ*)

Г. ВИДАЛОВЪ, Гжа ВИДАЛОВА, ПРОСТОСЕРДЪ.

ПРОСТОСЕРДЪ. (*самымъ сердечнымъ языкомъ*)

Слезы навертываются на глазахъ моихъ, когда она говоритъ о своемъ мужѣ: какой трогательной голосъ! какое выразительное лицо!... Я мечтаю, слушая ее, что онъ чувствуетъ эту нѣжность — эту любовь, которая живетъ въ сердцѣ милой подруги жи-

зни его и тогда, когда . . . онъ прахъ! — — — „О естьли бы Судьба дала мнѣ такую подругу!“ — думаю я — и неизъяснимое чувство волнуетъ душу мою. — — Какъ я доволенъ, сдѣлавъ знакомство съ Тартюфидою! . . . интереснѣйшая женщина! — Правда, что ея предубѣжденіе въ пользу женщинъ и въ невыгоду мужчинъ немного странно, но въ первомъ случаѣ — сужденіе по себѣ, въ другомъ — опытность свѣта.

ВИДАЛОВЪ. (*съ скромною улыбкою*)

Поздравляю — поздравляю тебя съ этимъ знакомствомъ! оно пріятно, интересно конечно — особливо для такова че-

ловѣка, который ищетъ трогать сердце и воображенїе свое. (*съ иронїею*) Тартюфида милая, интереснѣйшая женщина! . . . она бы могла быть второю Элизою ДраперъЪ — Юлїею ДетанжЪ . . . а! не правда ли — ПростосердЪ? . . . что лучше этова для тебя?

(*ПростосердЪ поднимаетъ плеча съ патетическою улыбкою*)

ВИДАЛОВА.

Она и безъ этихъ именъ очень, очень интересна. (*смотритъ съ значительнымъ взоромъ на Простосерда*) Не такъ ли? — (*къ Простосерду*)

ПРОСТОСЕРДЪ.

Точно такъ, сударыня!

ВИДАЛОВА. (*съ иронiей*)

Безъ сомнѣнiя она судитъ по себѣ о всѣхъ женщинахъ; — естьлибъ полъ нашъ былъ достаточнѣе такими женщинами, то бы мы меньше страдали въ свѣтѣ: меньше бы было сатиръ на насъ, къ которымъ подаемъ мы поводъ по большой части ревностью, завистью другъ къ дружкѣ. — Тартюфида не причастна этому пороку — она рѣдкая женщина! я очень рада ея знакомству. — Но какъ злобенъ свѣтъ! о самой Тартюфидѣ говорятъ . . .

ВИДАЛОВЪ.

Худо? . . . можетъ ли быть! . . . чистая клевета, злоба! . . она рѣдкая женщи-

на! — право и я очень радъ такому знакомству. —

ПРОСТОСЕРДЪ.

Какой свѣтъ! какія люди! . . . подумать, сказать дурное о Тартюфидѣ! . . . вы сами слышали? . . .

ВИДАЛОВА. (*подумавши*)

Оставимъ это; скажите лучше, какъ вы провели время у Тартюфиды? о чемъ бесѣдовали?

(*входитъ слуга и объявляетъ о пріѣздѣ Тартюфиды*)

Проси — вотъ событіе Французской пословицы: quand on parle du loup, on n'en voit la queue.

ВИДАЛОВЪ. (*къ простосерду*)

Посмотримъ, сударь — послушаемъ твою Дульцинею — вѣрно и Хитрана съ нею.

СЦЕНА II.

Тѣже, ТАРТЮФИДА и ХИТРАНА.

ТАРТЮФИДА. (*поцѣловавшись съ Видаловой*)

Какъ вы въ своемъ здоровьѣ? (*къ Видалову*) вы?.. (*они благодарятъ*) а я, должно признаться — не очень: насилу могла выѣхать. Да такъ давно я не видалась съ вами! (*къ Видаловой*) Должно признаться, (*съ жеманствомъ*) что я пристрастилась къ вамъ — мнѣ скучно, естьли дни два не вижу васъ. (*всѣ садятся*)

ВИДАЛОВА.

Много благодарна вамъ; я хотѣла сего дня быть у васъ — но вы предупредили меня — очень благодарна вамъ!

ТАРТЮФИДА.

А мы съ Хитраной теперь изъ города — были въ Нюренберскихъ лавкахъ — да всё такъ дорого у нихъ — и я почти ничего не купила. — Должно признаться, что я не умѣю покупать — всегда дамъ въ три-дорога; да мнѣ никакъ не понятно, чтобъ можно было просить за вещь вдвое, нежели чего она стоитъ. — Покойной мужъ мой (*съ глубокимъ вздохомъ*) всегда смѣивался на счетъ моего простосердечія — хотя и онъ не рѣдко по добродушію своему бывалъ обманутъ! (*еще вздыхаетъ*)

ВИДАЛОВЪ. (*съ притворнымъ согласіемъ*)

Доброй человѣкъ все обманется. (*взглядываетъ на Простосерда*)

ТАРТЮФИДА. (*съ жеманствомъ*)

Это правда. (*чихаетъ нѣсколько разъ; всѣ кланяются ей*)

ПРОСТОСЕРДЪ.

Вы немного въ простудѣ — у васъ, кажется, насморкъ.

ТАРТЮФИДА.

Такъ точно; третьяго дни ввечеру долго сидѣли мы здѣсь на галлереи — и я немного (*съ жеманствомъ*) простудилась. Должно признаться, что я отъ сырости тотчасъ получу насморкъ — какая скучная болѣзнь!

ХИТРАНА. (*потирая руки*)
Это правда.

ВИДАЛОВЪ. (*къ Тартюфидѣ, которая внимательно слушаетъ его*)
Всѣ болѣзни скучны, кромѣ одной любви. (*при этомъ словѣ Тартюфида потупляетъ глаза*) Она также болѣзнь — не правда ли, сударыня? (*къ Тартюфидѣ, которая перемѣняется въ лицѣ*) но болѣзнь, съ которою не хотятъ разстаться; которую всячески поддерживаютъ, питаютъ — доказательство — что она не противна!

ТАРТЮФИДА. (*съ крайнимъ жеманствомъ*)
Я право не знаю! — должно признаться, что я любила мужа болѣе жизни моей —

и не знала, не слыхала, что любовь — болѣзнь.

ВИДАЛОВЪ.

Къ нещастїю теперь вы это конечно узнали: теперь она вмѣсто щастїя причиняетъ горесть вамъ — и всё мила для васъ? . . .

ТАРТЮФИДА.

Это правда-съ! . . . должно признаться, что любовь къ покойному моему мужу умретъ только вмѣстѣ со мною — но она и теперь еще служитъ мнѣ удовольствїемъ: — (*съ тяжелымъ вздохомъ*) я безпрестанно воображаю его, и мнѣ кажется — что онъ . . . (*не договариваетъ отъ сильнаго движенїя*)

ПРОСТОСЕРДЪ. *(взглянувъ на Видаловыхъ, къ Тартюфидѣ растроганнымъ голосомъ)*

Что онъ чувствуетъ и тамъ любовь вашу! — *(вздыхаетъ)*

ВИДАЛОВА. *(смѣясь скромно)*

А Простосердъ готовъ и Элегію писать . . . *(къ Тартюфидѣ)* Полно те, сударыня; онъ больше *(указывая на Простосерда)* еще васъ растрогаетъ своими . . .

ТАРТЮФИДА. *(съ важностію неудовольствія)*

Должно признаться, сударыня, что я не раздѣляю ни съ кѣмъ моихъ чувствованій, и Простосердъ напрасно . . .

ПРОСТОСЕРДЪ. *(съ замѣшательствомъ)*

О чемъ вы изволите говорить, сударыня? . . . кажется

я не подалъ причины къ неудовольствїю.

ТАРТЮФИДА.

Должно признаться, что я не ищу вниманїя — (*съ желаннымъ высокомѣрїемъ*) мущинъ — вы мнѣ простите, Простосердъ — въ моей печали, — и не думаю, чтобъ какая нибудь женщина захотѣла показать сердечную свою горесть съ тѣмъ, чтобъ обратить на себя вниманїе мущины. (*Видаловы переглядываются, и удерживаютъ смѣхъ*)

ПРОСТОСЕРДЪ. (*съ величайшею искренностїю*)

Для чегожь это, сударыня? — Я думаю, что вниманїе наше не можетъ быть оскорбительно для васъ; — есть и ме-

жду нами способные раздѣлить всѣ прискорбія и радости ваши — быть другомъ — утѣшителемъ . . .

ВИДАЛОВЪ. (*притворно*)

Рѣдко, рѣдко, другъ мой! — Ничего нѣтъ опаснѣе, какъ вѣрить вниманію мущины. Вы правы, сударыня! —

ПРОСТОСЕРДЪ. (*къ Видалову*)

Это и для васъ не выгодно.

ВИДАЛОВЪ. (*тѣмъ же тономъ*)

Я человѣкъ пожилой — и личной выгодѣ своей не жертвую истиной. — —

ВИДАЛОВА.

Позвольте сказать, что женщина можетъ найти въ мущинѣ друга — истиннаго, современнаго.

ТАРТЮФИДА. (*съ видомъ совершенной невинности*)

Должно признаться, сударыня, что я имѣла въ покойномъ моемъ мужѣ совершеннаго, истиннаго друга, которой только мною и занимался, — для меня только и жилъ.

(*вздыхаетъ*)

ВИДАЛОВА.

Въ мужѣ всего скорѣе можно найти друга — это не мудрено; а я думаю, что и въ стороннемъ мущинѣ можно также имѣть друга.

ТАРТЮФИДА. (*тѣмъ же тономъ*)

Можетъ статься! — только, признаюсь, я всегда буду сомнѣваться въ этомъ.

ВИДАЛОВЪ. (*съ иронiей*)

И хорошо сдѣлаете. — Какiя правила нынѣ у мущинъ? . . . Въ старину можно было на нихъ полагаться — а теперь не Рыцарской вѣкъ.

ТАРТЮФИДА. (*послѣ нѣкотораго молчанiя*)

Нашей сестрѣ женщинѣ не льзя простить никакой слабости. — Признаюсь, что я не извиняю въ такомъ случаѣ ни одной женщины, начиная съ себя.

ПРОСТОСЕРДЪ.

Слабость еще не порокъ, сударыня; а довольно, кажется, избѣжать и порока.

ТАРТЮФИДА.

Порока! . . . слово *порокъ* должно заставить трепетать

всякую женщину — — это много, много, сударь!

(*Видалова взглядываетъ на Простосерда, которой въ нѣкоторомъ недоумѣніи*)

ВИДАЛОВА. (*съ хитрымъ увѣреніемъ*)

Признаюсь и я въ свою очередь, что я бы очень желала, чтобъ дочь моя имѣла часто случай пользоваться вашими разсужденіями. (*Тартюфида кланяется съ жеманствомъ*)

ХИТРАНА. (*съ лукавою улыбкой*)

Слѣдственно я могу быть предметомъ вашей зависти: я имѣю щастіе довольно часто быть съ Тартюфидою.

ВИДАЛОВА.

Это правда: завидую вамъ.

ТАРТЮФИДА. (*благодаря съ жеманною улыбкой*)

Ахъ! помилуйте!

ВИДАЛОВЪ. (*къ Хитранѣ*)

Вы конечно щастливы: бесѣда Тартюфиды есть наилучшая школа для молодой дѣвушки. (*удерживаетъ смѣхъ*)

ТАРТЮФИДА.

Ахъ! много чести, сударь! — По крайней мѣрѣ должно признаться, что я не подала дурнаго примѣра. (*улыбается съ кокетствомъ*)

ВИДАЛОВА.

Далеко отъ этова! (*бросаетъ взоръ съ улыбкою на Хитрану*)

ХИТРАНА. (*къ Видаловой*)

А я отдала шить тафтяное платье прекрасному

портному — по милости Тартюфиды. (*третъ руки*)

ВИДАЛОВА.

Я слышала, что у Тартюфиды прекрасной портной, Французъ.

ТАРТЮФИДА. (*съ нѣкоторымъ принужденіемъ*)

Да — изрядной.

ВИДАЛОВЪ.

Больше гораздо, чѣмъ изрядной — позвольте сказать; онъ въ короткое время прославилъ здѣсь себя.

ТАРТЮФИДА. (*немного въ замѣшательствѣ*)

Онъ — это правда — должно признаться — изрядно работаетъ — шьётъ.

ХИТРАНА.

И я буду въ щегольскомъ платьѣ! (*къ Видаловой*) вотъ

вы увидите — рѣдкой портной! (*лукаво окидываетъ своими глазами*)

ТАРТЮФИДА. (*къ Видаловой*)

Естьли вамъ когда понадобится — онъ къ вашимъ услугамъ.

ВИДАЛОВА.

Покорно благодарю, сударыня! — да я думаю, что онъ у васъ рѣдко, или никогда не бываетъ безъ работы; такая щеголиха (*съ улыбкою*), какъ вы, часто конечно даетъ портнымъ работу.

ТАРТЮФИДА. (*жеманясь*)

О нѣтъ! . . . однакожь, признаться, не очень мой Лесо гуляетъ. (*Хитрана удерживаетъ смѣхъ, поглядывая*

то на того, то на другаго. Видаловъ то же дѣлаетъ. Между тѣмъ Тартюфида встаетъ, откланивается и уѣзжаетъ. Хитрана слѣдуетъ за нею.)

СЦЕНА III.

Г. ВИДАЛОВЪ, Гжа. ВИДАЛОВА и ПРОСТОСЕРДЪ.

ВИДАЛОВА. (*съ точкою насмѣшкою*) Можно сказать, что это фениксъ въ нашемъ полѣ! — какое мужественное разсужденїе! какїя строгїя правила! — Вы правы, Простосердъ, удивляясь ей: она рѣдкая женщина!

ВИДАЛОВЪ. (*съ ироническою улыбкой*) Примѣрная! — (*къ Простосерду*) Знаешь ли, что она

представляетъ собою этотъ Апотеозъ Вольтеровъ, который у тебя на стѣнѣ? (*всѣ смѣются, и нетерпѣливо ожидаютъ, чѣмъ это сравненїе кончится*) Она беретъ на себя образъ Минервы . . . изъ подъ котораго видѣнъ ея собственной — и оба вмѣстѣ дѣлаютъ забавной контрастъ для зрителя.

(*всѣ смѣются*)

ПРОСТОСЕРДЪ.

Какая мысль! . . . остроумна — только не очень справедлива. (*Видаловъ смѣется*)

ВИДАЛОВА.

Не совсѣмъ и несправедлива. — Я виновата: мнѣ кажется, (*съ довѣренностїю*) что истинной характеръ добродѣтели не Тартюфидинъ имѣетъ

языкъ и физіономію . . . кажется, ему нѣтъ нужды въ такой осторожности въ словахъ, въ такомъ измѣненіи въ лицѣ. — Не оскорбляя Тартюфиду, я скажу, что въ ней есть много чего-то принужденнаго, ненатуральнаго. — Можетъ быть я и ошибаюсь — только я вамъ сказала мое мнѣніе объ ней.

ВИДАЛОВЪ.

Нѣтъ! — — она предорогая женщина! . . . посмотрите, какія отборныя выраженія! какая протяжность въ голосѣ! какія пріятныя мины! — Нѣтъ, она очень хороша!

ВИДАЛОВА.

Особливо частое ея выраженіе: *должно признаться*, и всеминутное движеніе глазъ —

прекрасно! — — Знаете ли что? мнѣ кажется, что изъ любимыхъ нашихъ словъ можно вывесть заключенїе о свойствѣ нашемъ? Они служатъ нашей характеристикой, — на примѣръ: замѣчено, что лжецы говорятъ предъ всякимъ словомъ: *правду сказать* — и рѣдко, или никогда правды не скажутъ; у Тартюфиды всего чаще на языкѣ: *должно признаться* — и я увѣрена, что она во всю жизнь двухъ разъ можетъ быть *не призналась* чистосердечно. — (*къ Простосерду*) Что вы скажете на это?

ПРОСТОСЕРДЪ.

Замѣчанїе ваше справедливо — основано на опытѣ; только

часто и привычка къ однимъ словамъ можетъ составлять всю погрѣшность въ этомъ случаѣ; а многія привычки прививаются къ намъ, такъ сказать, со стороны, не имѣя ничего общаго съ нашимъ характеромъ. Я думаю, что Тартюфида должна быть вписана въ статью изключенія изъ вашего правила.

ВИДАЛОВЪ. (*смѣясь*)

Безъ сомнѣнія! особливо естьли бы списокъ тебѣ поручили сдѣлать.

ВИДАЛОВА. (*къ простосерду*)

Я согласна нѣсколько съ вами; но думаю согласитесь и вы со мною, что изключеніе, котораго вы требуете, есть

только *предубѣжденїе* съ вашей стороны въ пользу Тартюфиды, — другаго основанїя, думаю, нѣтъ. — Вы читали Лафатеровы физїономическїе фрагменты — и знаете, что правила, по которымъ составилъ онъ свою науку, не многимъ изключенїямъ подвержены — иначе бы наука его ничего не значила. — Я хочу сказать, что не должно безъ *опыту* ни изъ какого основательнаго правила дѣлать изключенїя — потому только, что вамъ это правило неблагопрїятствуетъ — или вы часто будете сожалѣть, — раскаеваться. — Подождите, пока опытъ удостовѣритъ васъ во всякомъ случаѣ.

ПРОСТОСЕРДЪ.

Оспорить васъ въ этомъ — никто не возмется, и я совершенно убѣжденъ вами; но — отлагать сколько можно невыгодное о другомъ мнѣнїе — прїятно для сердца. (*входитъ Хитрана*)

СЦЕНА IV.

Тѣ же и ХИТРАНА.

ХИТРАНА.

Вы не ожидали меня — тѣмъ лучше.

ВИДАЛОВА.

Очень одолжила.

ВИДАЛОВЪ.

Какъ это разсталась съ Тартюфидою?

ХИТРАНА.

Лишь только мы пріѣхали къ ней, какъ ей сдѣлалось дурно; она легла въ постель — а я къ вамъ.

ПРОСТОСЕРДЪ. (*съ живостію*)

Дурно? отъ чего бы это? она казалась, часъ назадъ, такъ здоровою!

ВИДАЛОВЪ. (*улыбаясь*)

Ну, братецъ — и она человѣкъ.

ВИДАЛОВА.

Не истерика ли?

ХИТРАНА. (*протяжно*)

Нѣтъ — такъ что-то — кажется желудокъ разстроился.

ВИДАЛОВЪ.

Желудокъ можетъ разстроиться у ней, но — сердце — никогда. (*смотритъ на Про-*

стосерда и улыбаясь) Какія непреодолимыя ограды обнесла она около него! . . . Тотъ, кто бы попытался сдѣлать въ немъ брежь — не увѣнчался бы лавромъ . . . Какія спірогія правила! какой чистой образъ мыслей!

ПРОСТОСЕРДЪ. (*искренно*) Это правда. (*съ чувствомъ*) Какъ щастливъ былъ мужъ ея! . . Ахъ! какъ бы я желалъ имѣть такую подругу въ жизни! сколько бы я нашелъ услажденія въ сердцѣ! . . . его нѣжность, его чувствительность замѣнила бы блескъ ума и знаній! — Скажите: что отличный умъ, обширныя познанія, ежели сердце холодно — грубо — не способно любить со всѣмъ энтузіяз-

момъ любви, особливо въ женщинѣ? . . . Ахъ! одинъ страстной взглядъ, одно нѣжное слово чувствительной женщины пріятнѣе во сто разъ Сократическихъ бесѣдъ женщинъ-философокъ (*). — — Впрочемъ для насъ довольно и мущинъ, ежели хотимъ учиться — хотимъ распространить кругъ нашего разума, занять его отвлеченностями; — однимъ словомъ: голова наша къ услугамъ

(*) Въ одномъ мѣстѣ прекрасной Драмы: *Эмилія Галотти*, сказано, что женщина, которая разсуждаетъ, такъ же отвратительна, какъ мущина, которой румянится. Естьли къ этому прибавить: которая лишь только разсуждаетъ; то это совершенно мое мнѣніе.

Педагоговъ; а сердце — для женщинъ! Я думаю, что изъ этой мысли не должно выводить заключенїе — будто я *не желаю*, чтобъ женщины имѣли познанїя, были бы Сафами, Радклифами — нѣтъ! я можетъ быть болѣе всѣхъ въ свѣтѣ желаю имъ всякаго рода дарованїй; — но ежели въ нѣжной, чувствительной женщинѣ ихъ нѣтъ, то она не меньше отъ того любезна мнѣ! — — Наконецъ, скажу смѣло — что я предпочту *милую* женщину *ученой*... Чтожь дѣлать?... эта моя слабость!

ВИДАЛОВЪ. (*смѣясь*)

Жаль, что Тартюфида не слышитъ апологїи своей!.. она бы изъявила сочинителю

всю благодарность . . . Ей точно принадлежитъ золотое яблоко твое, Простосердъ. — — Да за чѣмъ дѣло стало? ищи любви — руки — сердца ея — — а! что вы скажете, Хитрана?

ХИТРАНА. (*удерживая смѣхъ и смотря на Простосерда, который задумался*)

Я съ удовольствїемъ слушала Простосердово разсужденїе о женщинахъ — только (*лотирая руками*) сомнѣваюсь, чтобъ Тартюфида была Простосерду такъ благодарна, какъ вы думаете . . . (*она и Видаловъ смѣются*)

ВИДАЛОВА. (*къ Хитранѣ*)

Тѣмъ съ большимъ удовольствїемъ, думаю, слушала

Простосердово разсужденіе о женщинахъ, что оно всё въ пользу Тартюфиды, — — (*притворно*) и для меня не непріятно было оно; я также выигрываю (*взглянувъ на Простосерда съ улыбкою*) при освобожденіи женщинъ отъ наукъ...

ПРОСТОСЕРДЪ.

Вы ни съ одной стороны конечно не теряли своей выгоды при моемъ разсужденіи... (*уходитъ*).

СЦЕНА V.

ВИДАЛОВЫ и ХИТРАНА.

ВИДАЛОВА.

Какъ жалокъ для меня доброй Простосердъ! привязанность его къ Тартюфидѣ все-

минутно усиливается. — Дружба наша къ нему ищетъ вѣрнѣйшаго средства открыть глаза его на истину — и потому-то не сказала я ему о томъ особливомъ случаѣ, которой далъ мнѣ узнать эту женщину, и о которомъ я тебѣ говорила. Въ чистотѣ своего сердца, онъ бы ничему не повѣрилъ; всё бы приписалъ злословію. И такъ, повторяю прозьбу мою, милая Хитрана: постарайся, такъ какъ ты говорила мнѣ, извлечь бѣднаго изъ пропасти.

ХИТРАНА.

Всѣ силы употреблю къ тому. Вы знаете, какъ мнѣ самой жаль Простосерда! Мы росли почти вмѣстѣ съ нимъ —

и я люблю его, какъ брата. Притомъ же мнѣ жаль и себя — что я, подобно ему, обманулась въ этомъ фениксѣ такъ много.

ВИДАЛОВЪ.

Какъ ослѣпляетъ насъ всякое предубѣжденіе! Простосердъ никакъ не примѣчаетъ, сколько я ни стараюсь объ этомъ, насмѣшекъ моихъ на счетъ Тартюфиды. — Посмотримъ твоего успѣха, Хитрана; посмотримъ, удастся ли тебѣ планъ твой.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

СЦЕНА I.

(*Кабинетъ въ домѣ Тартюфиды*)

ТАРТЮФИДА и ЛЕ-СО.

ТАРТЮФИДА. (*лежа роскошнымъ образомъ на диванѣ, подлѣ котораго стоитъ Ле-со, облокотясь на балюстраду дивана*)

Не безпокойся, милый мой Ле-Со! ты навсегда останешься полнымъ и единственнымъ господиномъ моего сердца. (*беретъ его руку*) Ты помнишь, чего мнѣ стоило проводить простячка моего, чтобъ онъ не узналъ о любви нашей . . . . Правда — не очень было мудрено

броситъ ему порошокъ въ глаза — однакожь всё надобно бывало остерегаться. — Хитрость — — нѣтъ, мой милой! я не захочу впередъ (*улыбаясь съ нѣжностію*) имѣть такихъ хлопотъ! — да и зачемъ мнѣ идти за мужъ? По милости покойнаго, я имѣю достаткъ — имя . . . а милѣе тебя право никого не найду. — (*хватаетъ его за голову и цѣлуетъ*)

ЛЕ-СО.

Ну — я вѣритъ вамъ; только смотритъ, чтобы васъ какой ниесть маньеръ не ангажироваль. Станитъ кафиритъ вамъ: „какъ молодо вдова не выть за мужъ?“ — Вы послушитъ — и бѣдни Ле-Со au diable — къ шорту! (*въ самое*

это время входитъ дѣвка, и говоритъ о пріѣздѣ Хитраны)

ТАРТЮФИДА. (*дѣвкѣ*)

Тотчасъ выду въ гостиную. (*отправляется*)

СЦЕНА II.

(*Гостиная*)

ТАРТЮФИДА и ХИТРАНА.

ТАРТЮФИДА.

Здравствуй, милая! — а я отъ скуки всё дремала въ своемъ кабинетѣ: работала, читала — и всё скучно. — — Какъ я тебѣ благодарна! я хотѣла послать просить тебя къ себѣ.

ХИТРАНА.

И такъ я предупредила ваше желанїе. — Я также всё

дремала послѣ вчерашнихъ танцовъ, рѣзвостей . . .

ТАРТЮФИДА.

Должно признаться, милая Хитрана, что у Видаловыхъ въ домѣ очень пріятно. Нѣтъ никакой критики, всё такъ просто — непринужденно — — очень пріятной домъ!

ХИТРАНА.

Это правда; — — вы не повѣрите, какъ васъ всѣ въ этомъ домѣ полюбили. — Да васъ не льзя и не любить: вы сами такъ ласковы, такъ милы!

ТАРТЮФИДА. *(будто не вслушалась, съ жеманствомъ)*

Такая только компанія и пріятна, гдѣ нѣтъ никакихъ толковъ — пересудовъ. . . . Я

терпѣть не могу этова .... только, должно признаться, что тамъ немного вольно; особливо мущины такъ свободны, смѣлы! — между нами сказать — того и смотри, что — какъ будто на булеварѣ — схватятъ поцѣлуй. Ты слышала, Хитрана, объ этомъ случаѣ?

ХИТРАНА.

Нѣтъ; — только страхъ вашъ напрасенъ.

ТАРТЮФИДА.

Говорятъ, что два мущины встрѣтились съ двумя женщинами — и заспорили между собою: „ты не поцѣлуешь этой Дамы“ — говоритъ одинъ. Поцѣлую, отвѣчаетъ другой. — „Нѣтъ“ — Поцѣлую — точно

поцѣлую — и поцѣловалъ. — Должно признаться, что я для этова и не ѣзжу на булеваръ. — — Какїе нахалы нынѣшнїе молодые мущины!

ХИТРАНА.

Можетъ ли быть это! . . Что же Дамы?

ТАРТЮФИДА.

Ну — что! — съ ними знакомова мущины никого не было, а повѣсы побѣжали; гдѣ ихъ сыщешь? — на кого жаловаться?

ХИТРАНА.

Это сомнительно. — Возможно ли, чтобъ самой величайшїй повѣса отважился на такой поступокъ въ Публикѣ! — Нѣтъ — это одна выдумка злословїя. (*входитъ Простосердъ*)

СЦЕНА III.

Тѣже и ПРОСТОСЕРДЪ.

ТАРТЮФИДА. (*послѣ обыкновенныхъ привѣтствій къ Хитранѣ*)

Вотъ я думаю и Простосердъ слышалъ объ этомъ.

ПРОСТОСЕРДЪ.

О чемъ это, сударыня?

ТАРТЮФИДА.

Что одинъ мущина поцѣловалъ Даму на булеварѣ.

ПРОСТОСЕРДЪ

Чтожь тутъ особливаго?.. Я думаю это вездѣ случается.

ТАРТЮФИДА. (*съ важностію*)

Нѣтъ съ — поцѣловалъ нахально совсѣмъ незнакомую ему Даму. Она шла — съ другою Дамою — онъ позади съ другимъ мущиною, и вдругъ по-

ровнявшись заглянулъ въ лице ей и поцѣловалъ.

ПРОСТОСЕРДЪ.

Да, — да! слышалъ — и ничему не вѣрю. — Людямъ совершенно праздным, слабоумнымъ, ничего инаго не остается, какъ сочинять такїе глупые анекдоты. Они хотятъ все испортить, будучи сами ни къ чему негодны. — Изъ самаго невиннаго удовольствїя стараются вывесть какое нибудь зло — и выказываютъ только свою злобу. — Есть, говорятъ, какїе-то мерзкїе и стихи на булеваръ; но стоитъ ли все это примѣчанїя?

ТАРТЮФИДА. (*выходя изъ комнаты*)

Должно признаться, что здѣсь очень опасно для поря-

дочной женщины часто быть въ Публикѣ. (*уходитъ*)

ХИТРАНА. (*притворно*)

По крайней мѣрѣ такая осторожная, строгая въ правилахъ своихъ женщина, какъ Тартюфида, ничего не рискуетъ нигдѣ на свѣтѣ.

ПРОСТОСЕРДЪ.

Этова не льзя сказать. — Повѣрите ли, что мнѣ, къ вѣчной досадѣ моей, случалось быть съ такими людьми, которые о самой Тартюфидѣ говорили худо? Я былъ взбѣшенъ — вступился на нее, сколько благопристойность позволяла мнѣ — и страдалъ въ сердцѣ моемъ отъ того, что не имѣлъ всего права зажать злобныя уста.

ХИТРАНА. (*съ лукавствомъ*)

И! . . не уже-ли въ самомъ дѣлѣ есть такіе люди, которые находятъ что нибудь предосудительнаго въ Тартюфидѣ? . . Кажется, всѣ поступки ея такъ чисты — такъ обдуманы!!

ПРОСТОСЕРДЪ.

Судите же о злобѣ людей!

ХИТРАНА. (*тономъ искренности послѣ нѣкотораго молчанія*)

Признайтесь, Простосердъ, что вы обворожены Тартюфидой; что вы нашли въ ней точно ту женщину, которая могла бы сдѣлать благополучіе ваше — признайтесь, что вы бы хотѣли, чтобъ она узнала

о вашихъ чувствованіяхъ къ ней; хотѣли бы, чтобъ она раздѣлила ихъ — словомъ: хотѣли бы быть ея другомъ — супругомъ . . .

ПРОСТОСЕРДЪ. (*улыбаясь съ чувствительностію*) Можетъ быть — (*задумывается*)

ХИТРАНА. (*тихо къ портеру*) Авось либо мнѣ удастся услужить имъ посредничествомъ. (*вслухъ*) Да чтожь? . . приступите къ дѣлу — изъяснитесь — да и всё тутъ. — (*съ усмѣшкою*) Какимъ бы сокровищемъ обладалъ Простосердъ! какъ бы загордился, думаю! . . . какъ бы угождалъ милой подругѣ своей! . . . вся-

кой день новое платье! (*съ лукавствомъ*) портной Французъ дома . . . къ жиду ѣздить не за чемъ . . . желаю всякаго успѣха — —

ПРОСТОСЕРДЪ. (*устремя на нее проницательной взоръ*)

Къ чему о портномъ Французѣ, Хитрана? . . .

ХИТРАНА.

Къ платью! — гдѣ платье, тамъ и портной — а вы и сами знаете, что Тартюфида щеголять любитъ. —

ПРОСТОСЕРДЪ. (*смотря на нее съ безпокойствомъ*)

Вы меня смѣшиваете.

ХИТРАНА. (*съ притворнымъ чистосердечіемъ*)

Какъ это? . . .

ПРОСТОСЕРДЪ. (*съ двусмысленностію*)

Знаете ли, что этотъ портной Французъ былъ содержаніемъ того злословія на счетъ Тартюфиды, о которомъ я вамъ теперь предсказывалъ? . . . Я не могу вспомнить безъ бѣшенства объ этомъ!

ХИТРАНА. (*сдѣлавъ гримасу къ портіеру*)

И! . . возможно ли это? . . Да что такое о портномъ Французѣ? . . . какіе злые люди! (*дѣлаетъ еще гримасы, которыхъ Простосердъ не видитъ.*)

ПРОСТОСЕРДЪ. (*съ неудовольствіи*)

Оставимъ! — — одна адская злоба можетъ говорить объ этомъ.

ХИТРАНА. (*притворно*) Я право ничего не слыхала. — (*перемѣня тонъ*) Говорили, правда — — (*въ самое это время съ одной стороны входитъ Тартюфида, съ другой лакей, который объявляетъ о пріѣздѣ Видаловыхъ*)

СЦЕНА IV.

Тѣже и ВИДАЛОВЫ.

ТАРТЮФИДА. (*подбѣгая къ Видаловой*) Ахъ! какъ я рада — какъ вы одолжили меня!... Должно признаться, что вы умѣете привязывать къ себѣ — я объ этомъ и съ Хитраной говорила — про васъ . . . (*указывая на софу, на кресла*) Покорно прошу —

ВИДАЛОВА.

Благодарю васъ за вчерашнее посѣщенїе; — желала бъ, чтобъ маленькая наша вечеринка, рѣзвости, заохотили васъ и впередъ раздѣлять ихъ съ нами.

ВИДАЛОВЪ.

Вы очень обязали насъ, сударыня.

ТАРТЮФИДА.

Помилуйте! . . . я находила собственное мое удовольствїе — и обязана вамъ благодарностїю за ваши ласки съ.

ХИТРАНА. (*къ Видаловой*)

Ну можно сказать, что весело было у васъ вчера: натанцовались, напрыгались! — — сего дня проспала я до полудни — въ три часа стали разъѣзжаться.

ВИДАЛОВА.

Радуюсь — естьли могла доставить удовольствіе гостямъ моимъ.

ТАРТЮФИДА.

Должно признаться, что вы доставили его всѣмъ.

ВИДАЛОВЪ. *(смотря на висящій стѣнной портретъ)*

Чей этотъ портретъ, позвольте спросить?

ТАРТЮФИДА. *(со вздохомъ)*

Покойнаго моего мужа! — и похожъ чрезвычайно. — Вотъ вся отрада, утѣщеніе жизни моей! Смотря на этотъ портретъ, прохожу въ мысляхъ моихъ то щастливое время — тѣ блаженные дни, когда каждую минуту дѣлила я съ

обожаемымъ супругомъ — (*слезы навертываются на глазахъ ея*) Ахъ! я была щастливѣйшею женою въ свѣтѣ! —

ВИДАЛОВЪ.

И можетъ быть еще — —

ТАРТЮФИДА. (*съ ужасомъ*)

Еще! — — нѣтъ, сударь! такая мысль никогда не приходила и не придетъ ко мнѣ; (*съ глубокимъ вздохомъ*) она бы оскорбила память мужа моего — онъ бы не простилъ мнѣ такой невѣрности и тамъ, въ небесномъ жилищѣ, и признаюсь, я не удобна къ этому.

(*Простосердъ взглядываетъ съ чувствомъ на Видалова.*)

ВИДАЛОВЪ.

Кажется — естьли позволите сказать, у живыхъ съ

мертвыми ничего нѣтъ общаго: одно растроганное воображенїе, огорченное сердце заставляетъ насъ мечтать, что мы угождаемъ или оскорбляемъ тѣхъ, съ кѣмъ разорваны смертїю всѣ наши связи; — наконецъ — позвольте еще сказать: ежели бы нашли такого человѣка, который бы могъ замѣнить вамъ совершенно покойнаго вашего мужа — то зачемъ ему, кажется, оскорбляться — хотя бы онъ и чувствовалъ? Напротивъ — ему бы должно веселиться, что вы утѣшены, успокоены, щастливы, не сдѣлавъ никакой чрезъ это невѣрности. (*Простосердъ пожимаетъ плечами*)

ТАРТЮФИДА. (*съ слезами.*)

Ахъ, сударь! вы думаете, что мнѣ можно быть щастливою съ другимъ? — повѣрьте, что это вещь невозможная. — Покойной мужъ мой — я это скажу предъ цѣлымъ свѣтомъ, имѣлъ такія качества — такую душу — такое сердце, что ихъ ни забыть, ни искать въ другомъ . . .

(*не можетъ договорить отъ слезъ.*)

ПРОСТОСЕРДЪ. (*въ мечтаніи, вынимаетъ платокъ; слезы на глазахъ его; къ зрителямъ.*)

Не знаю — какое сердце не чувствуетъ цѣну добродѣтели! — не плѣнится образомъ ея! . . . Молодая женщина, прекрасная, доспаточная, два

года вдовою — нѣсколько мѣсяцовъ въ роскошной Столицѣ, не ищетъ иныхъ удовольствій въ жизни, кромѣ воспоминаній о миломъ своемъ супругѣ; не питаетъ иныхъ чувствованій въ сердцѣ, не питаетъ, кромѣ любви — почтенія къ нему, тогда, когда нѣтъ его на свѣтѣ!!

ВИДАЛОВЪ. (*продолжая разговоръ съ Тартюфидой*)

Но не льзя, кажется, отвѣчать за себя въ этомъ случаѣ: можетъ встрѣтиться съ вами такой человѣкъ, который однимъ взоромъ своимъ возбудитъ противъ вашего желанія, такъ сказать, вниманіе ваше къ себѣ; который двумя, тремя словами напишетъ для во-

ображенїя вашего очаровательную картину щастїя, и тогда — всё пойдетъ иначе.

ТАРТЮФИДА.

Ахъ! быть этова не можетъ. — Соглашаюсь, что ежели бы воображенїе мое не всякую минуту занималось тѣмъ щастїемъ, которымъ наслаждалась я; ежели бы чувства мои не всякую минуту исполнены были тайной вѣчной горести: — то можетъ быть и встрѣтился бы мнѣ такой человѣкъ, котораго вы сдѣлали портретъ.

ПРОСТОСЕРДЪ.

Позвольте сказать, что Природа образовала сердца наши такъ — что рано или поздно, изглаживаются въ немъ

самыя глубокія впечатлѣнія — особливо со стороны горестей Природа оказала намъ явное благодѣяніе: сильнѣйшія изъ нихъ уступаютъ со временемъ мѣсто надеждѣ — утѣшенію — тѣнямъ радости, щастію. —

ВИДАЛОВА.

Я въ этомъ совершенно согласна съ Простосердомъ: и думаю, что каждой, болѣе или менѣе, испыталъ эту истину. —

ТАРТЮФИДА. (*съ жеманствомъ*)

Что до меня — то я останусь, думаю, безъ опыта этой истины (*вздыхаетъ*); радости и огорченія наши различны; прошедшее мое щастіе и настоящая горесть такова

свойства, что перваго мнѣ забыть не льзя вовѣки, другой не изгладитъ ничто на свѣтѣ! (*утираетъ глаза*)

ПРОСТОСЕРДѢ. (*тихо*)

Какая нѣжность! — какое сердце! ахъ! и какая слава — какое щастїе для того, кто раздѣлитъ эту нѣжность, кто утѣшитъ — усладитъ это сердце! — (*къ Видаловой тихо*) На уже ли такой языкъ можетъ имѣть притворство? не уже ли вы остаетесь въ первомъ вашемъ мнѣнїи о Тартюфидѣ — мнѣнїи основанномъ только на догадкахъ — часто ошибочныхъ? Нѣтъ! нѣтъ! Тартюфида истинный Ангелъ.

ВИДАЛОВА. (*тихо съ улыбкою*)

Я не возьмусь вѣрно выводить васъ изъ заблужденія, въ которомъ можетъ быть только я одна — и потому, чтобъ не отнять у васъ пріятнѣйшей мечты, и потому, что я сама желаю, чтобъ Тартюфида была тѣмъ, чѣмъ она казаться желаетъ!

ВИДАЛОВЪ.

По крайней мѣрѣ дружеству сердце ваше не закрыто — позвольте намъ ласкаться найти его у васъ. —

ТАРТЮФИДА.

Я за честь и щастіе почту ваше дружество.

ВИДАЛОВА.

Мы будемъ стараться конечно сыскать ваше.

ХИТРАНА. (*къ Видаловой*)

Вы хотѣли спросить у Тартюфиды, сшилъ ли мосье Ле-Со нынѣшнія платья *алантикъ*?

ВИДАЛОВА.

Да — (*къ Тартюфидѣ*) вы сдѣлали себѣ новомодное платье à l'antique?

ТАРТЮФИДА.

Нѣтъ, да и не сдѣлаю. Должно признаться, что оно очень — очень неблагопристойно; — а мой Ле-Со дѣлалъ его одной изъ моихъ пріятельницъ.

ВИДАЛОВА.

Изъ чего по большой части дѣлаютъ его?

ТАРТЮФИДА.

Право не знаю; — кажется изъ линонъ.

ХИТРАНА.

Да вотъ спросить обо всемъ этомъ у Ле-Со; — (*къ Тартюфидѣ*) позовите его.

(*Тартюфида звонитъ въ колокольчикъ — входитъ лакей, которому она приказываетъ позвать Ле-Со — онъ приходитъ.*)

ХИТРАНА. (*бросая лукавой взглядъ на всѣхъ*)

Вотъ и мосье Ле-Со.

ТАРТЮФИДА.

Скажи намъ, Ле-Со — изъ какой матеріи дѣлаютъ новое платье à l'antique?

ЛЕ-СО.

Больше шасти изъ линонъ - сама тонко — (*улыбается*), чтобы всё пило видно, par exemple: панталонъ — шоссюръ —

(*Тартюфида оборачивается къ Видаловой*).

ВИДАЛОВА.

А панталоны изъ чего?

ЛЕ-СО.

Изъ тафтъ — couleur de chaire.

ТАРТЮФИДА. (*съ жеманствомъ*)

Ахъ! какое распутство! Можно ли забыть стыдъ, благопристойность до такой степени!

ВИДАЛОВА.

Кажется все одно — юпка или панталонъ; — то и другое равномѣрно закрываетъ...

ТАРТЮФИДА. (*перемѣняясь въ лицѣ*)

Ахъ! помилуйте! что это? панталоны тѣлеснаго цвѣта, которые видѣть можно сквозь платья; босая нога, обвитая только лентами и до колѣна открытая... это Богъ знаетъ что!

ПРОСТОСЕРДЪ.

Лакедемонянки и Римлянки, особливо первыя, одѣвались еще съ меньшею скромностію — но были добродѣтельны. Одежда есть принадлежность обычая, и дѣйствуетъ на наше во-

ображенїе только по новости своей.

ХИТРАНА. (*съ лукавствомъ*)

Нѣтъ — право это не хорошая мода.

ЛЕ-СО.

А по шему, Мадамъ? — Ваши прелесть тѣмъ польше будитъ имѣть эфектъ — (*Хитрана, смотря на Тартюфиду и Видалову, смѣется*), слѣдовательно вы больше будитъ имѣть авантажъ.

ВИДАЛОВЪ.

Это правда -- правда — мосье Ле-Со!

ЛЕ-СО.

Конешно — это всё grimace со стороны дѣвицъ Шеншинъ.

ТАРТЮФИДА. (*съ притворнымъ неудовольствіемъ*)

Ты много врёшь, Ле-Со; — Французы всегда такіе враны.

ЛЕ-СО.

Можно статься — только часто въ свѣтъ называть враньё суше правды.

ВИДАЛОВЪ. (*смѣясь*)

Очень часто. Это все grimace — Мосье Ле-Со точно такъ.

ТАРТЮФИДА. (*къ Ле-со*)

Ты можешь теперь насъ оставить.

ЛЕ-СО. (*кланяясь*)

Ваш покорной слуга.

(*уходитъ*)

ХИТРАНА. (*съ лукавствомъ*)

Какой любезной Французъ! — Правда, Французы всѣ милы — какъ онъ работаетъ мастерски!

ТАРТЮФИДА.

Должно признаться, что я не люблю его за свободное его обращенїе, — но ужь этова изъ Француза никакъ не выведешь.

ВИДАЛОВА.

Да и выводить, кажется, не должно; это пріятно — они всѣ такъ остроумны, забавны.

ПРОСТОСЕРДЪ.

Это единственная въ свѣтѣ нацiя: одни Французы умѣютъ соединять веселость съ философiею — вѣтренность съ героизмомъ, шутки съ самыми важными дѣлами!.. какiя люди!

ВИДАЛОВЪ.

Правда.

ХИТРАНА. (*съ лукавствомъ*

Что-то въ нихъ есть такое очаровательное, — милое привлекательное!

ВИДАЛОВА.

Они такъ вкрадчивы, — такъ тонки!

ТАРТЮФИДА.

Должно признаться, что я ихъ не очень люблю. — Правда, что они хорошïе, рѣдкïе ремесленники — отъ того что много имѣютъ вкуса. — Агличане должны уступить имъ во вкусѣ!

ПРОСТОСЕРДЪ.

И во всемъ.

(Видаловы и прочïе встаютъ, прощаются и уѣзжаютъ. Тартюфида выходитъ въ другую комнату.)

СЦЕНА V.

ХИТРАНА. *(воротясь, и не нашедъ Тартюфиды въ гостиной)*

Кажется мнѣ удалось надѣть очки на проворные глаза

Француза, и снять ихъ съ томныхъ глазъ Простосерда, — котораго мнѣ сердечно жаль, и котораго (*улыбаясь съ торжествомъ*) я выведу изъ ослѣпленія! . . . Провесть Француза . . . какая слава для меня! . . . Такъ, я имѣла даръ увѣрить его, что Тартюфида въ тайномъ согласіи съ Простосердомъ, и выдетъ на этихъ дняхъ за него за мужъ; — умѣла вырвать у него признаніе, что она въ тѣсной связи съ нимъ; — однимъ словомъ: всё узнала и сдѣлала; кажется планъ щастливой: Ле-Со заставитъ ее увѣрять, божиться, что она никогда ни за кого на свѣтѣ не выдетъ за мужъ изъ любви къ нему; что она будетъ

(*смѣясь*) жить для него единственно . . . Ласки натурально послѣдуютъ за этѣмъ . . . въ самое это время надобно будетъ; чтобъ Простосердъ услышалъ — увидѣлъ всё самъ — и Видаловы, которые весьма нечаянно заѣдутъ къ ней вмѣстѣ съ нимъ съ прогулки, и ея покорная услужница будутъ свидѣтелями — торжества Тартюфидиной добродѣтели! (*смѣется*) — Всякая маска рано или поздно снимается съ лица — и маскерадъ оканчивается. (*смѣясь*) Надѣюсь, что мосье Ле-Со въ знакъ благодарности потщится сшить мнѣ самое щегольское платье! (*входитъ Тартюфида*) Вотъ и Героиня моя.

ТАРТЮФИДА.

Ахъ, Хитрана! . . . что значитъ?

ХИТРАНА.

Я воротилась сказать вамъ, что я не могу имѣть удовольствія провесть сего дни съ вами вечеръ; потому что ѣду съ Видаловыми за городъ — на какую-то прекрасную дачу, гдѣ весь вечеръ прогуляемъ. — По крайней мѣрѣ такъ писала ко мнѣ нынѣче по утру Видалова; — она забыла вѣрно, также какъ и я, сказать вамъ объ этомъ.

ТАРТЮФИДА.

Желаю веселиться! — Жаль мнѣ, что я не раздѣлю съ вами удовольствія вашего.

ХИТРАНА.

Можетъ быть вы веселѣе проводите свое время. — До свиданія!

ТАРТЮФИДА.

До свиданія!

СЦЕНА VI.

ТАРТЮФИДА и ЛЕ-СО.

ТАРТЮФИДА. (*растроганная, въ слезахъ*)

Какъ тебѣ не стыдно, другъ мой! можетъ ли быть когда нибудь это? . . . Промѣняю ли я тебя на Простосерда? — ни на кого на свѣтѣ! . . я не разъ тебя увѣряла въ этомъ — и . . .

ЛЕ-СО. (*печально*)

Увѣрять на слова — и разувѣрять на дѣлѣ. — Я тощно

знай ваше секретъ съ Простосердъ — знай, что ви кочитъ жениться съ нимъ — и Ле-Со обманивѣетъ. (*рѣшительно*) Однакожь Ле-Со завтри не будитъ здѣсь!

ТАРТЮФИДА. (*съ сильнымъ движеніемъ страха*)

Съ Простосердомъ?.. Стыдись, Ле-Со! я съ Простосердомъ въ двухъ словахъ вовѣки не соглашалась — (*плачетъ*). Знай, неблагодарной, жестокой человѣкъ, что ежели бы не свѣтъ — не родные мои, то я бы дала тебѣ руку мою — такъ какъ я отдала давно сердце тебѣ; — клянусь тебѣ, другъ мой! (*хватаетъ руку у Ле-Со, который отворачивается*) Ле-Со! чемъ могу еще

увѣрить — успокоить тебя? (*плачетъ*) Я всѣмъ пожертвовала тебѣ . . . (*не можетъ говорить отъ слезъ*) смотри!

(*становится на колѣни; въ самую эту минуту входятъ Видаловы, Простосердъ и Хитрана.*)

СЦЕНА VII и послѣдняя.

Тѣже, ВИДАЛОВЫ, ПРОСТОСЕРДЪ и ХИТРАНА.

(*всѣ съ удивленіемъ смотрятъ другъ на друга; долго не говорятъ ничего. Тартюфида въ ужасномъ замѣшательствѣ; не знаетъ, что дѣлать, что сказать.*)

ЛЕСО. (*съ притворнымъ замѣшательствомъ*)

Parbleu! parbleu!

(*уходитъ*)

ТАРТЮФИДА. (*въ бѣшенствѣ, въ развлеченіи*)

Я вздумала отъ скуки играть съ Ле-Со комедію — и въ роли своей должна была стать на колѣни — это ничто иное.

ВИДАЛОВЪ. (*съ язвительнѣйшею ироніей*)

Вы мастерица играть комедію!

ВИДАЛОВА.

И мы видѣли это на опытѣ.

ХИТРАНА. (*которая во всю эту сцену дѣлаетъ разныя знаки глазами, руками, и которая притворяется, что она въ изумленіи*)

Я не знала этова таланта за Тартюфидою!

ТАРТЮФИДА. (*бросясь въ другую комнату*)

Извините — я тотчасъ...

(*всѣ смѣются въ слѣдъ за нею*)

ПРОСТОСЕРДЪ. (*которой насилу выходитъ изъ пораженія отъ того, что слышалъ и видѣлъ*)

Какъ, Тартюфида! ... эта добродѣтельнѣйшая изъ женщинъ, этотъ образецъ, это украшеніе своего пола — Тартюфида ... языкъ мой нѣмѣетъ ... Тартюфида, которая содрогается при имени порока — трепещетъ тѣни его; Тартюфида, которая не извиняетъ въ женщинѣ — въ самой себѣ ни малѣйшей слабости, — ненавидитъ мущинъ

за то, что они стараются обратить на себя вниманіе каждой женщины; Тартюфида, которая ни о чемъ такъ не любитъ говорить, какъ о любви къ своему мужу, котораго нѣтъ на свѣтѣ — и Тартюфида — на колѣняхъ предъ Ле Со — бродягой, портнымъ... Боже мой! ... кому — чему вѣрить послѣ этова?.. О женщины! порочнѣйшая изъ васъ та, которая безпрестанно говоритъ о чести, о добродѣтели, и добродѣтельнѣйшая конечно та, которая всего менѣе кажется такою. ... О женщины! вы однѣ только можете такъ лицемѣрить — притворствовать — ослѣплять — вы однѣ только!... Мущины,

или не имѣютъ нужды въ такихъ обманахъ, или сердца ихъ неспособны къ нимъ. . . . Но ваши сердца — женщины! ахъ! они вмѣстилище рая и ада! . . . они страшныя Сциллы и Харибды, гдѣ погибаютъ неопытные плаватели . . . . они — ужасъ душѣ моей теперь! ... (*всѣ выходятъ съ громкимъ смѣхомъ*)

Занавѣсъ опускается.

К О Н Е Ц Ъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. Вечеръ у К* И* М* Д***. - 1
II. Вдохновеніе. - 5
III. Пѣсня. - 9
IV. Благодарность С. Н. Р — ой. - 12
V. Въ день имянинъ К. Д — го. - 17
VI. Власть гармоніи. 19
VII. Тріолетъ. - 22
VIII. Разлука. - 23
IX. На возвращеніе изъ деревни С* Н* Р — ой. 26
X. Дельфира. - 30
XI. Пѣсня. - 32
XII. Къ Гр. А. А. Т — ой. 34
XIII. О* * *. - 36
XXIV. Къ Путешественнику въ Полуденную Россію. 38
XV. Къ А. Н. Щ — ой. 41
XVI. На игру четырехлѣтняго дитяти. 43
XVII. Журналъ моихъ идей. 46
XVIII. Часы моего блаженства. - 51

Оглавленїе.

		Стран.
XIX.	Къ Николинькѣ. -	55
XX.	IN-PROMPTU.	56
XXI.	В* - П* У — ой, въ день именинъ.	58
XXII.	Къ портрету Н. М. К**.	60
XXIII.	Пѣсня. -	61
XXIV.	Къ Портрету Генерала Дезе. -	63
XXV.	Наташа. -	64
XXVI.	Стихи на день высокоторжественнаго Коронованія Его Императорскаго Величества АЛЕКСАНДРА Перваго. -	66
XXVII.	Стихи для Польскаго.	74
XXVIII.	Стихи на открытіе Театра благоволеніемъ Его Императорскаго Величества АЛЕКСАНДРА I въ селѣ Будѣ. -	78
XXIX.	Тартюфида. Драматическая бездѣлка.	83

LEAp30

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111